

МИТРОПОЛИТ ОМСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ ВЛАДИМИР (ИКИМ)

СЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ
ОСОБО ЧТИМЫХ СВЯТЫХ

**митрополит Владимир (Иким)
Слова в дни памяти особо
чтимых святых. Книга
восьмая. Январь, февраль**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63720883

*Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга восьмая: январь,
февраль. / Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический:*

Сибирская Благозвонница; Москва; 2021

ISBN 978-5-00127-213-7

Аннотация

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга восьмая» представляет собой сборник из 44 богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира, посвященных памяти как отдельных святых Вселенской Церкви и Русской Церкви, так и их Соборам и отдельным событиям, связанным с ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т. п.), охватывая месяцы январь и февраль. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. Книга предназначена для самого широкого православного читателя.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

От редакции	6
Слово в день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского	12
Слово в день памяти святителя Петра, митрополита Московского и всея России чудотворца	32
Слово в день памяти праведных Иосифа Обручника, Давида царя и Иакова, брата Господня	47
Слово в день памяти святителя Макария, митрополита Московского	66
Слово в день памяти святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской	82
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Митрополит Омский
и Таврический
Владимир (Иким)
Слова в дни памяти особо
чтимых святых. Книга
восьмая: январь, февраль**

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р21-019-0492

© Сибирская Благозвонница, оформление, 2021
© Митрополит Владимир (Иким), текст, 2021

От редакции

Издательство «Сибирская Благозвонница» продолжает публикацию цикла богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Новая его часть называется «Слова в дни памяти особо чтимых святых». Эти Слова являются своего рода логичным продолжением серий «Вечное сокровище», «Врата покаяния» и «Сияние Пасхи», где толкуются литургические Евангельские и Апостольские чтения на весь богослужебный год.

Традиционно многие церковные проповедники наряду с толкованием чтений из Священного Писания посвящали свои проповеди изложению житий святых угодников Божих. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин, «невозможно не праздновать памяти святых».

Святые стали таковыми благодаря своему богоугождению, аскетическому подвигу и личному благочестию, но также

благодаря своему общественному служению на земле, что в особенности относится к святым архиереям. В их житиях мы «видим образ того, как высоко служение архипастыря народа Божия и сколькими благодеяниями родному народу может увенчаться святительское служение» (С. 38).

Автор риторически задается вопросом: «Что такое почитание святых? Заключается ли оно в том, чтобы воздавать им всяческие почести, строить храмы в память о них, сочинять и петь в их честь красивые и трогательные песнопения? Да, все это тоже и важно, и нужно – но нужно только для нас самих, для того, чтобы нам самим не забывать о великих святых и получать назидание из тех примеров, которые дает нам их жизнь и учение. Что же касается самих святых, то им и во время земной жизни вовсе не были нужны почести; и тем более не нужны они им теперь, когда они наслаждаются вечной жизнью и богообщением в Царствии Небесном» (С. 109). Такое почитание святых нужно нам самим. И прежде всего с любовью к ним как угодникам Божиим и надеждой на их молитвенную помощь нам.

Святые Божии, даже давно уже почившие, молитвенно и духовно не оставляют нас. По мысли автора, святые Божии сильны перед Богом и слышат наши молитвенные обращения к ним и представляют перед Богом за нас: «Сильна пред Господом молитва святых Его угодников. Всемогущий Бог слушает верных Своих и по их прошениям благодетельствует не только отдельным людям, но и целым сооб-

ществам – городам, народам, государствам. Великие духом святые Русской земли предстательствуют за нас перед Престолом Всеизыншего, и безумием было бы не прибегать к благодатному их предстательству» (С. 38). Впрочем, молитвенное почитание Божией Матери и святых угодников Божиих не отменяет молитвы непосредственно к Богу, но сливается в единый молитвенно-богослужебный поток обращенности к Богу Церкви и каждого верного ее сына.

Поэтому митрополит Владимир призывает нас к молитвенному обращению к Богу и к почитанию святых угодников Божиих о нашей Церкви и народе: «Будем же молиться Господу Милующему и угодившим Ему великим русским святымелям былых времен об укреплении нынешних иерархов Русской Церкви в праведности, духовной силе и мудрости: да воссияет по их прошениям и деяниям милость Господня ко всему русскому народу православному. Будем же молиться об укреплении в священном делании всего нашего духовенства: да утверждают пастыри людей в спасительной вере, дабы всюду воссиял свет Православия и соделалась вновь наша страна благодатным уделом Всеизыншего, Русью Святой. Будем же молиться о близких наших, о братьях и сестрах во Христе Иисусе, дабы во взаимной любви и милосердии проводить нам жизнь земную и сподобиться от Отца Небесного жизни вечной» (С. 39).

Однако, как отмечает автор, такая молитва окажется несовершенна без нашего посильного подражания святым в их

добродетелях и подвигах. В этом и будет, по мысли автора, состоять истинное их почитание: «Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Что можем мы сделать, чтобы почтить память святых? Вознести им славословия или построить храм в их честь? Все это хорошо, но прежде всего необходимо подражать их жизни. Слово “подражать” не стоит воспринимать буквально: конечно, не каждый из нас – царь, пророк, апостол или пустынник. Впрочем, и для самих святых все это было лишь обстоятельствами, средствами, которые они использовали для достижения главного: христианских добродетелей и спасения. В этом-то главном мы и должны подражать им, хотя обстоятельства нашей жизни могут быть совсем другими... *Подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16), – сказал апостол Павел, и нет сомнения, что того же желают все угодники Божии» (С. 55).

Итак, «лучший способ почитания святых – подражать их жизни, следовать их заветам духовным. Конечно, не каждый из нас призван к монашескому пути, не каждый может стать архиереем, не каждый может и приобрести такой всенародный авторитет и сыграть такую роль в истории родной страны... Но главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников» (С. 68). А это требует от нас приложения нашей свободной доброй воли: «Каждому человеку дана от Бога свободная воля, которую не отнимает у него даже Сам Господь, а потому до самого конца земной жизни у любого из нас есть возможность выбрать как добро, так и

зло. Поэтому бывает и так, что человек, выросший в хорошей семье и благочестивом окружении, становится страшным грешником, злодеем; и наоборот – ребенок грешников и богохульников может, сопротивляясь дурному влиянию среды, подняться до высот святости. Как в истории Церкви, так и в повседневной жизни вокруг нас найдется немало примеров того и другого» (С. 58). «Главное – подражать нужно не внешнему, а внутреннему содержанию подвигов святых. искренней и деятельной любви к Богу и людям, горячей вере и верности Православию, мудрости и трудолюбию, добродетели рассуждения. Эти добродетели можно стяжать на любом жизненном пути – было бы только у нас искренне желание, усердие и упование на Бога, Который, несомненно, не оставит без помощи стремящихся к Нему» (С. 110).

Поэтому, как пророчески писал святитель Иоанн Шанхайский, «Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира». Редакция полагает, что книга митрополита Владимира внесет свою лепту в исполнение этого святого пророчества.

О жизни святых автор говорит просто, ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужебной молитве избранному святому. Полезной окажется данная книга и для священников при составлении проповеди,

и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово в день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского (20 декабря / 2 января)

При слышании о несчастьях и обидах, людских смертях не бывает ли у тебя холдности, безучастия сердечного? Исправляйся немедленно, распинай свое самолюбие, утверждай в душе любовь к Богу и ближнему, плачь с плачущими.

Праведный Иоанн Кронштадтский

**Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Возлюбленные о Господе братья и сестры!**

Огромные толпы повсюду спешили вслед за этим дивным человеком. Почтальоны горбились под тяжестью писем и телеграмм, шедших к нему не только со всей России, но и со всего мира. Прикоснуться к краю его одежды или просто издали увидеть его считалось счастьем. Этот человек не был ни правителем, ни полководцем, ни знаменитым художником или музыкантом – никем из тех, кого называют идолом и кумиром масс. Это был приходской священник, протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (1829–1909) из Кронштадта.

Некогда иудейские законники, слыша о чудесах Иисуса Назарянина, сомневались: *Из Назарета может ли быть что доброе?* (Ин. 1, 46). Назарет был городом полуబожников-полуязычников, невежественных бедняков. Отсюда в широкий мир шел его Спаситель, восходило над человечеством *Солнце Правды* (Мал. 4, 2). Тому надлежало быть, ибо Сын Божий явился призвать грешников к покаянию.

Ну, а Россия позапрошлого века могла ли ждать чего-нибудь доброго из Кронштадта? Кронштадт того времени был страшным местом. Это была выгребная яма столичного Петербурга, куда высыпались «отбросы общества»: перекатная голь, бродяги, уголовный сброд. Город бандитских логовищ и притонов, разврата, пьяной матросни и ужасающей нищеты... К этим-то озлобившимся и отчаявшимся, теряющим человеческий облик, в их темные углы явился молодой священник со словами: «Не унывайте, подобные мне грешни-

ки, но только веруйте в Сына Божия. Уважайте друг друга, грешники, и не презирайте никакого грешника, ибо все мы – грешники, и всех пришел спасти, очистить и до небес вознести Сын Божий».

В годы ученичества праведный Иоанн мечтал о том, как пойдет с христианской проповедью в далекие языческие страны. Потом он понял: родной его народ не меньше нуждается в слове любви и милосердия, в просвещении Светом Христовым и петербуржцы «знают Христа не больше, чем дикиари какой-нибудь Патагонии».

И вот он попал в Кронштадт. Пастырь, он шел к данным ему от Бога овцам – в их жилища, где самый воздух дышал зловонием греха и нищеты. Он делился с ними чем мог, раздавая порой до копейки скромное священническое жалование. Он был рядом с ними в их бедах, бегал для них за продуктами в лавку и за лекарствами в аптеку. Он молился за них, а потом – и вместе с ними. В этом было счастье святого Иоанна, из глубины души своей воскликавшего: «Какое высокое достоинство и честь – молиться за людей, за это драгоценное достояние и стяжение Божие! С какой радостию, бодростию, усердием, любовию надо молиться Богу – Отцу человеков о людях Его, купленных Ему Кровию Сына Его!» Нет, не сразу, но сделался он для кронштадтского «сброда», для погибавших – и спасаемых им людей не «странным чудаком», а горячо любимым «батюшкой Иоанном».

Через пятнадцать лет его служения Кронштадт стал трезв,

чист, светел. Преобретенный город сделался местом всероссийского паломничества. Бедняки обретали здесь жилища и работу, старики и калеки – покой, страждущие – утешение, больные – выздоровление. Привлеченные славой Кронштадтского праведника-чудотворца, сюда ехали люди знатные и богатые и научались здесь милосердствовать, помогать обездоленным. Безбожники и скептики возвращались отсюда глубоко верующими людьми. Из города греха Кронштадт превратился в город святого праведного Иоанна, верного служителя Господня. Неслучайно и через десять лет после кончины Всероссийского пастыря явился Кронштадт неожиданным очагом протрезвления от революционного безумия, так что Кронштадтский мятеж 1921 года внушал ужас богооборцам-большевикам.

«Одна сладость – Христос, одно сокровище – Христос, один свет – Христос, одна сила, слава – Христос!» – восклицает святой праведный Иоанн Кронштадтский. К единению со Спасителем стремился он всю свою земную жизнь, неустанно бодрствуя над своей душой, высветляя себя любовью к Иисусу Сладчайшему, – отсюда явилась в нем самом богоданная духовная мощь.

Святой Иоанн родился в дальнем северном селе, в семье бедного причетника. Младенец был настолько слаб, что родители думали: «не жилец». Окреп он после Святого Крещения. Мальчик рос тихим, ласковым, предпочитал уединение обычным детским играм, любил церковные службы. И уже

тогда крестьяне, попав в беду, просили боголюбивого ребенка помолиться за них. А однажды в сонном видении узрел он своего Ангела Хранителя, посланного от Бога вдохновить его на подвиг служения.

Поначалу юному Иоанну с трудом давалось учение. Но в урочный час после горячей молитвы к просвещающему всех Господу «точно завеса спала с его очей». Успехи его в Архангельской семинарии были столь блестящими, что сына бедняка из захолустной Архангелогородчины направили в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Не профессию, не ремесло, дающее кусок земного хлеба, видел праведный Иоанн в предстоящем ему пути священника – он сознавал всю устрашающую высоту этого призыва. Святитель Иоанн Златоуст утверждает: «Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное, чрез них мы облекаемся во Христа. Потому справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих. Безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасение». Увы! С XVIII века подобным безумием было заражено почти все «культурное» общество России, относившееся к духовенству с барским пренебрежением. Петр I (1672–1725) в своей табели о рангах поставил священников ненамного выше крепостных крестьян, и так же относились к «попам» гордецы, чвавящиеся своими чинами и званиями, писательскими или научными талантами. Зримым обличием этих

духовных невежд было житие великого Кронштадтского пастыря. На святом праведном Иоанне проявлялась истина его собственных слов: «Что за высокое лицо – священник! Постоянно у него речь с Господом, и постоянно отвечает на его речь Господь. Что ни треба, что ни молитва, то речь с Господом; что ни треба, что ни молитва, то ответ на нее Господа. Священник – ангел, не человек, все житейское он должен далеко оставить за собою».

Образ праведного Иоанна Кронштадтского – это идеал православного пастыря из «белого» духовенства. Во всей истории Церкви мы найдем немногочисленные примеры подобного пути к святости. Воистину дивен подвиг этого воина Христова, рожденного униженным и поруганным русским духовенством прошлого века. Среди бурных и нечистых волн житейского моря праведный Иоанн возжег, сохранил, надо всей Россией вознес светоч веры.

Однажды юноша из крестьянской семьи Семен Антонов обратился к Кронштадтскому пастырю: «Батюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал». Когда началась молитва праведника, Семен почувствовал, что кругом «гудит адское пламя». Гонимый дыханием вселенской злобы, которое он въяве ощутил по молитве святого Иоанна, юноша бежал на Афон и вступил в число иконок-святогорцев. Там просиял он монашескими подвигами. Бежавший от мира юноша Семен стал преподобным Силуаном Афонским (1866–1938), великим молитвенником за по-

гибающий мир.

Благословившему его Кронштадтскому праведнику был уготован иной, сложнейший удел. В своих творениях святой Иоанн восхищается подвигами затворников, отшельников, молчальников, в уединении прокладывавших свой путь ко Всевышнему, но сам он на земле не имел ни уединения, ни покоя. Прозорливый пастырь, он вершил свой труд в средоточии «гудящего адского пламени» – среди грязи и прелести демонской, в окружении мирских толп, зараженных грехом. И, омывая молитвой скверну бесчисленных человеческих душ, праведный Иоанн оставался чужд любому соблазну.

Обладающие духовным опытом знают, как липка мирская грязь, как немощен человек и какой неимоверно трудной является победа во внутренней битве, одержанная Кронштадтским пастырем, стяжавшим святость в миру. Но как же удалось праведному Иоанну уберечь собственную душу в пресветлой чистоте?

«Исследуй внутреннее состояние своей души и искореняй всякое зло из глубины ее. Следи за своим сердцем всю жизнь и присматривайся и прислушивайся к нему – что препятствует к соединению его со Всеблаженным Богом? Это да будет наука наук», – говорит праведный Иоанн. Сам он неустанно бодрствовал над собою, поверял каждую свою мысль, каждое свое движение по зеркалу Высшей Правды – Закону Божию. С начала священнического служения стал

святыи Иоанн вести дневники – так рождалась его книга «Моя жизнь во Христе», потрясающий документ неустанного предстояния человека перед Лицом Всевышнего. Это то наука наук позволила праведному Иоанну подняться над бурлящей житейщиной и сделаться не только добрым пастырем Кронштадта, но и Всероссийским пастырем.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский преподает строгие уроки и служителям Церкви, и их пастве. Он был простой приходской священник, один из тысяч рядовых иереев – так да звучит в сердце каждого из них его молитва: «Господи Иисусе! Да помнят священники Твои всегда о высоте своего звания и да не запутываются они в сетях мира и диавола». Он вывел на верный путь в Небесное Царство неисчислимое множество душ – так да остережется народ православный осуждать своих духовных отцов, памятуя слова праведного Иоанна: «Чего лишаются люди без законного бого учрежденного священства, каких благ, благодати и милости Божией! Они лишаются спасения! Не напрасно Сам Совершитель нашего спасения Господь называется Первосвященником вовек по чину Мелхиседекову, Он – Учредитель, Глава и Совершитель священства, сущего на земле».

Не дым и смрад падшего мира вбирал в себя праведный Иоанн – он «дышал Небом». Его пламенная любовь ко Господу требовала постоянного общения с Высочайшим Возлюбленным: так молитва Кронштадтского пастыря сделалась непрестанной. Лучи *Солнца Правды* (Мал. 4, 2) пронизали

сердце святого Иоанна, а затем через него излились в мир благодатной силой. «Молитва – златая связь человека-христианина, странника и пришельца на земле, с миром духовным, и паче всего с Богом – Источником жизни.

От Бога изшла душа, к Богу и да грядет всегда через молитву», – говорит праведный Иоанн. Сам он обрел в своем сердце эту золотую нить ко Всевышнему – и милостью Божией сделался чудотворцем.

Когда по его молитве начали совершаться чудеса, праведный Иоанн воспринял это не как повод для гордости, а как новый тяжелый крест служения. «Я исповедовал пред Господом свое ничтожество и греховность и просил болящим исцеления. И Господь посыпал милость Свою. Из этих случаев я прямо уже усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога – молиться за тех, кто будет этого просить», – говорил он. Это послушание легло на плечи праведного Иоанна грузом множества людских болезней – толпы жаждущих исцеления лишили его отдыха и сна. В *горчичном зерне* (Мф. 17, 20) своей крепкой веры Кронштадтский чудотворец не видел ничего особенного, считая, что быть услышанным Господом способен каждый христианин: «На молитве всегда твердо верь и помни, что каждая мысль твоя и каждое слово твое могут быть делом. Все силы и чудеса совершает Дух Святой. Тем же Духом подаются иному силы, другому действия сил. Ты только говори с верою, совершение слова – не твоя забота, а Духа Святого».

Слепые прозревали, как только праведный Иоанн промышлял им глаза святой водой. Он осенял страждущих крестным знамением – и вставали на ноги паралитики, обретали здоровый рассудок буйнопомешанные. К нему шли телеграммы с просьбами о помощи, и, когда святой Иоанн становился на молитву, за тысячи километров от него возвращались к жизни умирающие.

Громкая слава его деяний распространялась среди богатых, вельможных, власть имущих. Блестящий молодой юнкер ради «дворянской чести» прострелил себе грудь – и был спасен молитвою Кронштадтского праведника. Красавица из придворных кругов княгиня Юсупова умирала от заражения крови – и выздоровела после совершённого святым Иоанном молебна: свидетель чуда знаменитый профессор Боткин заплакал и сказал: «Уж это не мы сделали». Кронштадтский пастырь провожал в последний путь императора Александра III Миротворца (1845–1894): держал руку на голове царя, тем смягчая его предсмертные мучения.

Потрясавшие «культурный» мир свидетельства о его чудесах насчитывались сотнями, оставшиеся неведомыми миру – десятками тысяч. Прославленный Кронштадтский пастырь с одинаковой любовью по первому зову спешил и во дворец вельможи, и в лачугу бедняка – помочь страдающему человеку. «Будь благопослушен сердцем, словом и делом во всякое время на служение другим», – призывал он и сам оставался неизменно верен этому завету. Для себя правед-

ный Иоанн не искал ничего. Через его руки проходили миллионы рублей, жертвуемые облагодетельствованными им богачами, – он передавал эти деньги на нужды Церкви или помогал обездоленным. После кончины праведника обнаружилось, что все его земное достояние – книги и рукописи.

Очевидцы рассказывают, как протекали земные дни Кронштадтского пастыря: «День свой батюшка начинал чтением канона дневному святому за утреней. Литургию он служил ежедневно. За проскомидией приносили большую корзину с просфорами. Сослужившее духовенство подавало ему просфоры, он быстро вынимал частицы и, поминая, бросал просфоры в пустую корзину, громко молясь: “Помяни, Господи, заповедавших мне молиться”. Лицо его светилось молитвой. И этого было достаточно для исцеления. Когда приближалось время Пресуществления Святых Даров, он чувствовал приближающегося Христа, голос его дрожал, и его благодатный трепет передавался всем. После Литургии батюшка шел в созданный им приют бедняков – Дом Трудолюбия. Оттуда он ехал в Петербург посещать больных. Вернувшись вечером, он разбирал письма и телеграммы до поздней ночи».

Одухотворяемый любовью, вершил святой Иоанн подвиг служения Богу и людям, и горячо полюбил своего пастыря русский народ Божий. Но были и люди, которые бешено ненавидели дышавшего любовью праведника. Эти враги святыни, возомнившие себя духовными вождями России, гор-

деливо называли себя интеллигентами.

Сам праведный Иоанн Кронштадтский был интеллигентом в высоком смысле этого слова: человеком тонким, мудрым и многознающим. В своих дневниках он признается, что постоянно вникает в тайны природы и истории, изучает законы ума и речи человеческой, прочел множество книг – и не может насытиться знанием. Но из всех наук черпал он указания истины и премудрости Божией. Постигая мироздание, святой Иоанн понимал, что духовную жажду способен утолить только Христос Спаситель – Источник «воды вечной жизни» (ср. Ин. 4, 14). Предостерегая от извращений человеческого ума, праведный Иоанн говорил: «При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок, оставляя без внимания сердце. Сердце – жизнь, но жизнь, испорченная грехом. Нужно очистить этот источник жизни, нужно зажечь в нем чистый пламень жизни, так чтобы он горел и не угасал и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека. Общество растлено именно от недостатка воспитания христианского. Пора понять Господа, чего Он от нас хочет: именно, он хочет чистого сердца».

Такое учение вызывало злобу российской образованности, в слепой гордыне мечтавшей обойтись без Бога. Книги Кронштадтского пастыря переводились на европейские языки: даже надменный Запад признал в них образец христианской философии. Ученейшие врачи свидетельствовали чудеса совершенных им исцелений, преклонялись перед да-

рованной ему от Господа духовной мощью. А доморошенные образованцы шипели о святом Иоанне: «мужицкий шарлатан». Из кругов интеллигентов-вероотступников истекала темная клевета: Кронштадтского бессребреника называли «ловким корыстолюбцем», доброго пастыря бедняков, низших и бродяг – «тщеславным попом».

Святой Иоанн смиренно переносил поругания, ни словом не обмолвившись в ответ на клевету. В своих проповедях он обличал не заблудших, а *отца лжи* (Ин. 8, 44) – диавола, предостерегая людей от демонского коварства. Так продолжалось до тех пор, пока Кронштадтский пастырь не увидел в образованщине, в возгордившихся недоучках и переучках не своих личных противников, но опаснейших врагов русского народа Божия. Господь дал праведному Иоанну воочию узреть ту пропасть, в которую толкали Россию интеллигенты-безбожники.

В страшном видении предстал Кронштадтскому пастырю Всероссийский молитвенник преподобный Серафим Саровский (1754–1833) – и повел его в нависшее над Отечеством грядущее. В благоденствовавшей, стремительно богатевшей, неблагодарной и политиканствовавшей России никто не подозревал, как близка катастрофа. А праведному Иоанну уже были показаны ужасы большевизма. Перед его глазами революционеры громоздили горы трупов невинных людей, в его ушах стоял стон миллионов насилиемых, терзаемых, убиваемых. Он видел, как чекисты умерщвляли святителей, иере-

ев, иноков и благочестивых мирян, как водворялась в храмах мерзость запустения, как падали колокола, как взрывались стены домов Божиих. Он слышал вопль обезбоженных поколений, лишенных спасительной веры, обреченных аду, тщетно взывающих: «Святые отцы, помолитесь за нас!» Он провидел «великую блудницу» с красной звездой во лбу, заходящуюся в торжествующем крике: «Я – свободна!» Праведный Иоанн предузнал судьбы родного народа, и великая скорбь пронзила его любящее сердце.

В последние годы жизни праведного Иоанна Кронштадтского прогремели над Россией его «Новые грозные слова» – обличение соблазнителей народа, обнажение язв общества, последний призыв к покаянию, способному смягчить все-праведный гнев Господень. В величии древних пророков предстал святой Иоанн, из чудотворца Кронштадтского сделался он Всероссийским пастырем, пытающимся спасти все заблудшее Отечество.

Именно в это время тело Кронштадтского чудотворца-исцелителя было поражено тяжелой болезнью. Он не обращался к врачам. Не молился о своем выздоровлении – только каждый день пил воду из источника преподобного Серафима и тем укреплялся в перенесении телесных страданий. Все эти три года болезни он продолжал служить – и проповедовал так пламенно, как никогда прежде. Не о себе думал праведный Иоанн – о России была его скорбь, и к ней был обращен его призыв, выполненный любви и боли:

«Не в мирное, а в беспокойное и крамольное время мы живем, во время беззначания и безбожия, время дерзкого по-прания законов Божеских и человеческих, время бессмысличного шатания умов, вкусивших несколько земной мудрости и возмечтавших о себе чрез меру, ибо знание кичит, по слову Божию, а любовь назидает. Для всех очевидно, что Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению.

Отчего же столь великое, бывшее столь могущественным и славным прежде Царство Русское ныне так расслабело, обессилело, уничтожилось, всколебалось? Оттого, что оно сошло с твердой основы истинной веры и, в большинстве интеллигенции, отпало от Бога, Который один есть непоколебимая вовеки вечные держава.

В какой страшной славе явится Христос во Второе Пришествие Свое! И в каком положении тогда будут нынешние, прежние и будущие наши неверующие, интеллигентами называемые, – злонамеренные писатели, сделавшие слово печатное орудием клеветы обмана, соблазна, торговли и изdevательства над всякой святыней и над благонамеренными людьми? Пред ними слишком реально будет то, что они отвергали здесь, над чем издевались. Не пройдет мимо слова Господне, что за всякое праздное слово, которое скажут люди, они дадут ответ в День Судный.

Союз с Творцом вероломно нарушен: человек расстроил дивную гармонию своей богоподобной природы, развратив ум, сердце и волю, осквернив совесть, впал в неоплатные

долги пред Творцом своим и подверг себя грозному Суду Правды Божией.

Одно ли Русское Царство колеблется от безбожия и анархии? Нет, колеблются и трясутся все царства земные, оставившие веру истинную. И чем дольше существует мир прелюбодейный и грешный и преуспевает в беззакониях, тем он больше и больше слабеет, дряхлеет и колеблется, так что к концу мира сделается трупом и дымящимся головнею, которая истлеет от последнего, страшного, всеобщего огня, ибо земля и все дела на ней сгорят.

Держись же, Россия, твердо веры своей, и Церкви, и царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безнадежия. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга.

Да хранит Бог Россию, если не ради русских, ставших недостойными по своим великим грехам, то ради Церкви Православной, ради всех святых и ради всех чудес, явленных в России в прежние века, по представительству Божией Матери и всех чудотворцев русских, которыми не скучна Русская Церковь и Русская земля».

Эти слова Кронштадтского праведника сказаны в 1907 году. Увы, тогда Россия не рассыпали их, не сумела последовать за великим своим пастырем.

В конце следующего, 1908 года душа праведного Иоанна

отлетела ко Господу. Перед кончиной закрытые глаза его полуоткрылись, и на них показались слезы. Уходя в Небесное Отечество, оплакивал Всероссийский пастырь судьбу земной своей родины. Это и о нас с вами горько плакал святой батюшка Иоанн.

Страшный урок преподан России революционным кошмаром и последовавшей за ней ледяной глыбой бездуховности, на семьдесят лет придавившей народ. Ныне Долготерпеливый Господь дает нам возможность духовного воскрешения – вероятно, последнюю. Еще не поздно народу покаяться и соделаться Русью Святою.

Правосудный Бог еще щадит изменившую Ему страну – по молитвам российских праведников былых времен, среди которых ярко сияет образ святого Иоанна Кронштадтского. Но слышим ли мы его заветы даже сейчас, после столь явных и жутких уроков минувшего? Осознала ли интелигенция свой страшный исторических грех перед народом, стремится ли искупить его? Не в этой ли среде мы снова видим политиканские страсти, чужебесие, заигрывание с иноземными ересями и лжеучениями? Здесь рождается порой хула на Матерь-Церковь, и в этом для всего народа скрыта опасность вновь получить слепых «духовных вождей». От наших священнослужителей время требует подвига, но все ли они вдохновляются примером великого Кронштадтского пастыря? Горького плача достойно, когда среди духовенства мы видим теплохладность и малодушие. А паства наша похожа

ли на смиренных овец Христовых, послушных голосу Его Церкви? Разгул «демократических свобод» соблазняет многих на попытки подменить своеволием церковную власть, от Бога данную. Гибельно может быть подобное ослепление для народа Божия. Доколе мы будем искушать человеколюбие Господне? Опамятуемся – да не станет упорное наше безумие каплей, переполнившей чашу гнева Всевышнего Судии.

Дорогие во Христе братья и сестры! «Новые грозные слова» праведного Иоанна в наши дни звучат той же новизной, с поразительной точностью отражая духовный смысл российской смуты – то вспыхивающей, то утихающей. В этих речах Кронштадтского прозорливца мы слышим сурое предсторожение, тяжкую скорбь, но и светлую надежду:

«Россия мятется, страдает и мучится от кровавой внутренней борьбы, от страшной во всем дорогоизны, от безбожия, безначалия и крайнего упадка нравов. Но Всеблагое Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует ее и ведет к возрождению. Судьбы Божии праведные совершаются над Россией, как они совершились в предшествовавшие века ее существования – при древних великих князьях и царях наших. Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, премудро, метко кладет на Свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала.

Мы осквернены всякими грехами; нужно измыться, очиститься, просветиться, убелиться как снег. А можно ли достичнуть этого без страданий, без слез? Для этого Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле. Душа, закосневшая во грехах всякого рода, нелегко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением, только через долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. Вот цель бед и скорбей, насыляемых нам Богом в этой жизни!

Русский народ глубоко развращен: горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле. Поделом! Если осознаем свои грехи, обратимся к вере, покаемся, с Божией помощью изменимся к лучшему, тогда и Господь обратит к нам светлое лицо Свое и помилует нас и даст нам благословение, изобилие и мир. А если нет, то будем таять в бедах наших.

Не ропотом должно нам встречать заслуженные наказания от врачающей десницы Господней, а учиться этим жгучим лекарством исцелять свои многогрешные души. И если сумеет Россия понять и благодарно принять волю Божию о себе, то вернет ей Небесный Отец милость Свою, как и прежде спасал Он покаявшуюся Русь, возвещая *мир народу Своему и избранным Своим*; но да не впадут они снова в без-

рассудство (Пс. 84, 9)».

Почитание отца Иоанна, можно сказать, началось еще при его жизни и не прекращалось с тех пор никогда в русском народе. Официально же он был прославлен в Зарубежной Церкви в 1964 году, а в нашей Церкви в 1990 году. По всему миру стоят десятки храмов и святых престолов, посвященных ему. С высот Царства Небесного взирает на нас святой Иоанн Кронштадтский и молится перед Престолом Величия Божия о спасении каждого из нас. Помолимся же ныне и мы ему о нас самих и наших близких, соединим наши молитвы с его и прославим вместе с ним Бога дивного, во Святой Троице славимомого и поклоняемого: Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков!

Аминь.

Слово в день памяти святителя Петра, митрополита Московского и всея России чудотворца (21 декабря / 3 января)

*Ликуй светло, благославнейший град Москва,
имеяй в себе архиерея Петра яко зарю солнца, всю
Россию чудодеяний озаряюща...
Тропарь святителю Петру*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

Раздроблена, разобщена, разделена была Древняя Русь

XIII–XIV веков. На лоскутное одеяло, сшитое непрочными нитками из множества уделов, походила она. Здесь непрестанно шла борьба княжеских притязаний: один удельный правитель силился урвать у другого кусок владений, чести или славы. Это была кровавая игра, ибо в разожженных князьями междуусобных войнах убивали, грабили, разоряли друг друга русские люди. Властолюбцы бесстыдно заключали союзы с иноплеменниками-иноверцами и вели их на соседний удел, где эти союзники жгли города и села. После каждого такого набега дешевели русские рабы и рабыни на восточных базарах.

Сознавали ли себя тогдашние русские единым народом, не тонуло ли само имя «Русь» в мещанине новгородских, рязанских, тверских, галицких и прочих удельных «патриотизмов»? На родном, русском языке звучали боевые кличи и взаимные проклятия враждующих удельных дружин; на одном, русском языке издавал торжествующий вопль убийца и молил о пощаде убиваемый. Карой Божией за смертный грех междуусобиц пало на Русь иго Орды, но еще не успели зарубцеваться раны от жестокого Батыева нашествия, как вновь засвистали над Русью мечи князей-братоубийц. Казалось, что внутренний раздор вот-вот доведет Русь до окончательной гибели: западные области будут порабощены и олатинены европейскими хищниками, восточные – вытоптаны ордынскими конями, и имя русское исчезнет из истории. Но оставалась еще сокровенная, таинственная связь между рус-

скими людьми, разделенными границами враждующих княжеств. Даже оскверненная кайновым грехом братоубийства, Русь хранила святую веру Православную. Лишь это позволяло еще говорить о русских как о народе Божием. И чтобы объединить истерзанные Русские земли в единое государство, нужна была не просто власть, а власть освященная.

Попытки достичь единства Руси только политическими средствами были обречены на неудачу, так как никто из удельных князей и князьков не желал ради общерусского дела поступиться и толикой своих «прав». Призрачна была власть великого князя всея Руси, утверждавшегося ярлыком золотоордынского хана и «восседавшего на золотом столе Владимирском», – этот титул значил немногим более, чем просто первенство чести, однако за него велась ожесточенная борьба, принимавшая всё те же формы кровавых междоусобиц. За первенство боролись два еще молодых в то время, но стремительно усилившимся княжества – Тверское и Московское. Однако исход этого спора был предрешен не военной силой, не политикой, не дипломатией, а обращенным к князю Московскому пророчеством смиренного старца-митрополита: «Город твой будет прославлен, святители поживут в нем, и взыдут руки его врагов на врагов его, и Бог в нем прославится, и кости мои здесь положены будут». Избрав Москву центром Русской митрополии, святитель Петр предначертал этому городу миссию столицы единой Руси: сюда устремились духовные чаяния народа, здесь стало быть-

ся сердце Матери-Церкви.

Будущий Московский Первоиерарх родился в одном из окраинных юго-западных княжеств, на Волыни. Еще нося в утробе чудесного ребенка, мать его сподобилась благодатного видения: «будто она держит в руках своих агнца, посреди рогов которого выросло густолиственное дерево, имеющее множество плодов и цветов; посреди ветвей его было множество свечей – светящих и издающих благоухание». Святыму Петру, избранному Богом от материнской утробы, было суждено возглавить Русскую Церковь, просвещавшую народ благодатным светом, и взлелеять росток цветущего и плодоносного дерева Русского государства.

Величие и слава ждали святого Петра, а это огромный соблазн для немощной человеческой души, склонной к гордыне. Поэтому еще в детстве ему было ниспослано от Всеизвестного вразумление ко смирению: понимание того, что любой человек без Бога – ничто и все таланты человеческие являются лишь дарами Господними. Когда семилетнего избранника отдали учиться, он казался неспособным усвоить преподаваемого наставниками. По слову жития, «сие было ради того, чтобы он более от Бога, нежели от людей, получил книжную премудрость». Печалились родители, мучился сам ребенок своей неспособностью к учению. Но вот однажды святой Петр увидел некоего таинственного архиерея, повелевшего ему: «Чадо! Отверзи уста твои!» Выполнив повеление, отрок почувствовал, что гортань его наполнилась неизъ-

яснимой сладостью. Небесный пришелец исчез, а благодатная сладость перешла в сердце святого Петра. С тех пор он стал преуспевать в учебе, превзошел всех сверстников в постижении Священного Писания. (Подобный пример урока Божия мы видим в повествовании о детстве другого светильника Русской Церкви – преподобного Сергия Радонежского.)

С юности святой Петр проникся истинной мудростью – желанием всецело посвятить себя служению Небесному Отцу. Двенадцатилетним он ушел из богатого родительского дома в монастырь, где был поставлен на послушания новоначальных: носил воду, рубил дрова, стирал одежду братии. Смиленно подвизаясь в молитве и труде, святой Петр достиг иноческого совершенства. Возносясь душою в Горняя, он сподобился благодатных видений, и излюбленным его руководством стала иконопись: с молитвою на устах и в сердце запечатлевая небесные образы, он сделался «иконник чуден». (Две иконы его руки – чудотворная икона Божией Матери «Петровская» и образ Успения Пресвятой Богородицы стали сокровищами главного храма России – Успенского собора Московского Кремля.)

Укрепившись в иноческих добродетелях, святой Петр почувствовал призвание наставлять других. Он основал монастырь на реке Рате (ныне Западная Украина и Польша), построил при нем храм во имя Христа Спасителя, и к нему во множестве стали стекаться искатели монашеского подви-

га. Звание игумена не изменило смиренного нрава угодника Божия: «святый был добр и незлобив и считал себя самым последним из всех; поучал всех с кротостью, посему всеми был почитаем, и все принимали от него слово наставления».

Молва о святой жизни Ратского игумена и о мудром устройении его обители распространилась по Русской земле. Сам тогдашний Предстоятель Русской Церкви, митрополит Киевский и всея Руси святитель Максим, посетил Ратский монастырь, благословил игумена и принял в дар написанную им икону Владычицы Богородицы. Благословение Первосвятителя знаменовало будущее возвышение святого Петра в церковной иерархии.

Князья Южной Руси почитали угодника Божия, явленного в их пределах. В святом Петре они хотели видеть орудие возвышения Русского Юга, крайне ослабевшего после ордынского нашествия. Столный Киев, некогда великий и славный, был разорен и надломлен, испытывал постоянную угрозу новых набегов. Митрополиты всея Руси не могли жить и управлять Церковью, находясь в этом городе; святитель Максим утвердил митрополичий престол на Севере, во Владимире. Это казалось южным князьям унижением. Когда скончался святитель Максим, могущественнейший из правителей Юга – князь Георгий Галицко-Волынский задумал разделение Русской митрополии и учреждение в Галиче новой митрополичьей кафедры для Южной Руси. Этот замысел был поддержан собранием южнорусских епископов, канди-

датом на митрополичий престол назван святой игумен Ратский Петр. «Блаженный же Петр долго не хотел и отказывался, но наконец, будучи упрощен князем, боярами и собором святителей, отправился в Константинополь для посвящения».

У Северной Руси была своя кандидатура, особо поддержанная носившим титул великого князя благоверным Михаилом Тверским, – некий Геронтий, игумен одного из монастырей владимирских. Этот Геронтий был человек гордый и самоуверенный, не сомневаясь в том, что именно ему выпадет честь управлять Русской Церковью; сразу после кончины святителя Максима он присвоил себе митрополичьи облачения и жезл, а также и икону, преподнесенную почившему архипастырю святым Петром. Предвкушая честь и славу, Геронтий отплыл в Царьград, но труден оказался путь его корабля, замедлившийся ветрами и бурями. В дороге Геронтий услышал от Петровской иконы Пресвятой Богородицы таинственный голос, говоривший: «Напрасно ты, старец, трудишься, ибо не достанется тебе святительский сан, которого ты ищешь. Но тот, который написал Меня, – Ратский игумен Петр, служитель Сына Моего и Бога и Мой, – будет возведен на престол святительский и право упасет людей своих, за которых Сын Мой Христос Господь пролил Кровь Свою, от Меня воспринятую, и, богоугодно пожив, в старости доброй с радостью отойдет ко Владыке всех».

То же море, которое ветрами и бурей препятствовало ко-

раблю Геронтия, ласковым попутным ветром подгоняло корабль святого Петра, так что он прибыл в Царьград «точно во сне». Когда он вошел в храм, где служил Патриарх Константинопольский Афанасий I (1230–1310), тот почувствовал дивное благоухание – знак от Господа, возвещавший о прибытии святого Божия. Благоговейность и мудрость святого Петра произвели огромное впечатление на византийских архиереев. Патриарх, не желавший разделения Русской митрополии, посвятил святого Петра в сан митрополита всея Руси. Во время хиротонии лицо поставляемого просияло небесным Светом, и видевшие это воскликнули: «Воистину человек сей пришел к нам по повелению Божию». Вскоре прибыл в Константинополь и Геронтий. Не в силах противиться столь явному действию Промысла Божия, он рассказал о бывшем ему в дороге видении и передал святителю Петру митрополичьи одежды, жезл и святую икону Госпожи Богородицы.

Вернувшись на Русь, святитель Петр сначала попытался обосноваться в древнем Киеве и оттуда управлять вверенной ему Церковью. Однако, подобно своему предшественнику, он недолго (всего около года) сумел продержаться на киевском пепелище и уехал на Русь Северную, где было спокойнее и где больше духовных сил сохранил народ. Не довольствуясь пребыванием в кафедральном Владимире, он начал объезжать епархии, всюду наставляя духовенство и иноков в ревности о деле Божием, просвещая паству проповедью

Божественной истины. Не только устным, но и письменным словом стремился Первосвятитель укреплять веру и Церковь: сохранились его послания, в которых служителям алтаря напоминается о высоте их поприща, а миряне призываются к благочестивой жизни.

Князьям, затевавшим между собой распри, святитель Петр являлся миротворцем. Князя Святослава Брянского, на которого восстал его племянник Василий, святой митрополит увещевал: «Поделись с кровным своим или отдай ему все, а не бейся с ним». Князь Святослав не послушался слова архипастырского и был убит в междоусобице. А вот одного из тверских владетелей, князя Димитрия Грозные Очи (1299–1326), задумавшего братоубийственный поход на Нижний Новгород, святителю Петру удалось остановить строгим прещением: князь-раздорник не посмел ослушаться митрополита всея Руси.

Интересы Русской Церкви святитель Петр отстаивал и в Сарае, столице Золотой Орды. Хан Узбек (ум. 1341) почувствовал духовную силу русского архипастыря и проникся к нему уважением. Властелин Орды подтвердил своим ярлыком прежние привилегии духовенства «Русского улуса»: по-прежнему церковные доходы не облагались налогом, а за оскорбление русских святынь любому ордынцу угрожала смертная казнь. Сам святитель Петр, по свидетельству летописи, «был в великой чести у царя» (царями в то время величали золотоордынских ханов).

Добрными делами святитель Петр снискал себе любовь паствы. Но все же некоторые князья и бояре, зараженные удельными амбициями, продолжали смотреть на него как на «чужака-южанина». Неприветливой оставалась властная Тверь, вопреки желанию которой святой Петр стал митрополитом. (Можно сказать, что именно эта тверская «жестоковынность» – нежелание смириться с волей Матери-Церкви – стала причиной поражения Твери в борьбе с Москвой.) Епископ Андрей Тверской, гордый своим высоким происхождением и мощью своего города, решился даже на злое дело: направил в Царьград клеветнический навет на святителя Петра, обвиняя его в «поставлении священников за мзду». Видя, как вокруг него разгорается церковная смута, святитель Петр обратился к пастве со словами: «Возлюбленные братья и чада во Христе! Я не лучше пророка Ионы. Если из-за меня такое великое волнение, извергните меня из среды своей». Однако Собор русских святителей изобличил клевету, разоблачил клеветника – епископа Андрея Тверского – и потребовал его изгнания. Но сам оклеветанный святитель вступился за оклеветавшего его и сказал епископу Андрею: «Мир тебе, чадо. Не ты сие сотворил, но древний завистник рода человеческого, диавол. Отныне блюдись лжи, а прошедшее да простит тебе Господь».

Тверь была неприветлива, зато особое усердие в почитании святителя Божия проявлял князь Московский Иоанн Калита (1288–1340). И святитель Петр полюбил князя Иоан-

на – не за угождение себе, а за благочестие, милосердие и со-страдание к людям. (Князь Иоанн был знаменит щедрой раз-дачей милостыни, для чего постоянно носил с собой боль-шой кошель – калиту – с деньгами, отчего и сам был прозван Калитой.)

Москва, бывшая тогда еще маленьким тихим городком, тоже полюбилась святому архипастырю: он часто бывал здесь, отыхая от суеты больших многомятежных городов. Попечением князя Иоанна в Москве были построены мит-рополичьи покои, где святитель жил во время своих посеще-ний. За два года до кончины святитель Петр наконец решил-ся и перенес кафедру митрополита всея Руси из Владимира (бывшего лишь «древним престижным центром», утратив-шим политическое значение) в милую его сердцу Москву. Своего любимого духовного сына, князя Иоанна, благосло-вил святитель Петр на постройку кафедрального храма и при этом предрек: «Если ты послушаешь меня, сын мой, и со-здашь храм Пресвятой Богородице, то и сам прославишься больше князей других, и город твой будет прославлен: свя-тители поживут в нем, и взыдут руки его на врагов его. И Бог в нем прославится, и кости мои здесь положены будут». Так было начато создание Кремлевского Успенского собора, в котором святитель Петр собственными руками подготовил для себя каменную гробницу.

Однажды благоверный князь Иоанн Калита увидел во сне высокую гору с заснеженной вершиной, и вдруг снег на горе

растаял и исчез. Князь обратился к духовному отцу за истолкованием сна и услышал от святителя Петра: «Высокая гора – ты, князь, а снег – я, смиренный, который скоро должен отойти из сей жизни в жизнь вечную».

Как ни торопил князь строительство собора, святителю Петру не довелось увидеть земными очами завершение создания благословленного им храма. Богоугодный архипастырь преставился во время пения вечерни, с молитвою на устах и воздетыми к небу руками, «душа же на Небеса взлетела к желанному Христу».

В самый канун кончины святитель Петр повторил свое пророческое благословение князю Московскому: «Отхожу от жития сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Иоанну, милость, мир и благословение от Бога ему и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеют от семени его обладающие местом его, и память его прославится».

Знамение святости почившего архипастыря было явлено уже во время его погребения. Когда москвичи с плачем провожали святителя Петра в последний земной путь, некий стоявший в толпе маловер подумал: «Кто этот мертвец, которого провожают сам князь и столько народу, и почему воздается ему такая честь?» – и вдруг увидел, как святитель сел в своем гробу и стал благословлять народ. Маловер рассказал и рассказал всем об этом дивном видении. Вскоре от

гробницы святителя Петра начались чудеса исцелений, и со всех концов Русской земли в Москву, к месту его упокоения, стали стекаться паломники.

Новый Предстоятель Русской Церкви, святитель Феогност († 1353), был ревностным почитателем своего святого предшественника и окончательно утвердил митрополичью кафедру в избранном им городе. С тех пор, по предсказанию святого Петра, в Москве жили святители-митрополиты, а затем и Патриархи всея Руси.

По воле святителя Петра малая и исторически юная Москва стала духовным центром для всего русского православного народа Божия, а затем сделалась центром и единой могучей православной державы.

Благословение великого перед Богом святителя Петра получило на князе Иоанне Калите и семени его, наделив правителей Москвы государственной мудростью и могуществом. Князь Иоанн и потомки его, государи Московские, заслужили славу «собирателей Русской земли», создателей единого государства Российского, победившего грех междуусобных братоубийств.

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Сильна перед Господом молитва святых Его угодников. Всемогущий Бог слушает верных Своих и по их прошениям благодетельствует не только отдельным людям, но и целым сообществам – городам, народам, государствам. Великие духом святые Русской земли представляют за нас перед

Престолом Всевышнего, и безумием было бы не прибегать к благодатному их предстательству.

Как князь Иоанн Калита добрыми делами и благочестием заслужил милость святителя Петра к себе, к своему городу, к своим потомкам, так и мы, стараясь проводить жизнь благочестивую, следя заповедям Христовым, можем привлечь к себе помощь Небесную, заслужить земное благоденствие и вечное счастье в Царстве Божием не только для себя самих, но и для ближних своих и дальних. Молитвами добрых и благочестивых людей может окрепнуть и возродиться в величии все наше Отечество, Русская земля, претерпевающая множество бед.

В житии святителя Московского Петра видим мы образ того, как высоко служение архипастыря народа Божия и сколькими благодеяниями родному народу может увенчаться святительское служение. Будем же молиться Господу Милующему и угодившим Ему великим русским святым былых времен об укреплении нынешних иерархов Русской Церкви в праведности, духовной силе и мудрости: да воссияет по их прошениям и деяниям милость Господня ко всему русскому народу православному. Будем же молиться об укреплении в священном делании всего нашего духовенства: да утверждают пастыри людей в спасительной вере, дабы всюду воссиял свет Православия и соделалась вновь наша страна благодатным уделом Всевышнего, Русью Святой. Будем же молиться о ближних наших, о братьях и сестрах во

Христе Иисусе, дабы во взаимной любви и милосердии проводить нам жизнь земную и сподобиться от Отца Небесного жизни вечной.

Ныне, светло празднуя память великого зиждителя нашей Матери-Церкви Русской, кроткого, смиренного, милосердного святителя Московского Петра, воспоеем ему со умилением:

«Взбранному и дивному нашея земли чудотворцу, днесь любовию к тебе притекаем, песнь, Богоносе, плетуще: яко имея дерзновение ко Господу, многообразных избави нас обстояний, да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему».

Аминь.

Слово в день памяти праведных Иосифа Обручника, Давида царя и Иакова, брата Господня (Неделя по Рождестве Христовом)

Веселия днесъ Давид исполняется
Божественный, Иосиф же хваление со Иаковом
приносит: венец бо сродством Христовым приемие
радуются, и неизреченно на земли рождшагося
воспевают: Щедре, спасай Тебе чтущия!
Кондак в Неделю по Рождестве Христовом

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Православная Церковь празднует память праведных Давида царя, Иосифа Обручника и Иакова, брата Господня. Первый из них – предок Господа Иисуса Христа по плоти, второй – Его названный отец, а третий – сводный брат Еgo.

Жизнь святого царя, пророка и псалмопевца Давида (1001-965 до Р.Х.) дает нам удивительные примеры помощи Бога, упования на Него и истинного покаяния, способного изгладить даже самые страшные прегрешения.

По происхождению Давид был не царского рода. На царство избрал его Сам Господь, возвестив об этом устами пророка Самуила, который и помазал тогда еще совсем юного Давида, самого младшего из восьми сыновей старейшины Иессея. Многие юноши на месте Давида возгордились бы подобным Божественным избранием и, даже если бы и не могли открыто заявить о нем всем вокруг, начали бы, по крайней мере, требовать к себе особого отношения в родительской семье. И такое особое отношение действительно могло бы быть ими получено даже в строго патриархальном ветхозаветном обществе: ведь избраны они были не кем-нибудь, а Самим Богом Израилевым! Однако в Священном Писании мы не находим и намека на подобное поведение со стороны Давида. Он продолжал, как и раньше, оставаться младшим послушным сыном своей семьи, продолжал пасти овец и коз своего отца. Поистине Бог смотрит не так, как смотрит че-

ловек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце (1 Цар. 16, 7).

Вскоре после того, как произошло тайное помазание юного Давида на царство, на народ израильский пошли войной соседи – филистимляне-язычники. Два войска – израильское и филистимское – встали друг против друга по две стороны узкой долины.

В те далекие времена существовал обычай начинать битву с поединка двух самых сильных воинов с той и другой стороны. Такой поединок воспринимался как Божественный суд: считалось, что Небеса на стороне того из противников, чей воин одержит победу. Поэтому нередко по окончании поединка воинов одна из сторон признавала себя побежденной, и ненужного кровопролития не происходило. Если же битва все-таки имела место, то победу в ней, как правило, все равно одерживало войско воина-победителя, так как противник оказывался уже в значительной степени деморализован. Зная это, нетрудно представить, с какой тщательностью отбирались воины для начального поединка и с каким волнением следили их товарищи за схваткой.

На этот раз со стороны филистимлян выступил вперед настоящий великан: воин по имени Голиаф, ростом более двух метров. Голиаф, понимая, какое впечатление он производит на врагов, принял громко насмехаться над израильтянами: *Зачем вышли вы воевать? Не Филистимлянин ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко*

мне; если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам! (1 Цар. 17, 8–9).

Израильтяне находились в замешательстве. Они понимали, что среди них нет никого равного по силе Голиафу.

В это время в стане израильтян находился юный Давид. Его не взяли в войско по причине молодости, и воевать пошли его старшие братья; в этот день отец послал Давида приведать братьев и отнести им испеченных матерью лепешек.

Услышав похвальбу и угрозы филистимлянина, мальчик исполнился праведного гнева. Неужели Господь попустит, чтобы враги захватили Израильское царство?

Ведомый Самим Господом и своим упованием на Него, Давид отправился к царю Саулу, прося позволить ему сразиться с Голиафом. Конечно, со стороны подобная просьба неопытного мальчика могла показаться неразумной. Но царь находился в отчаянии: вот уже сорок дней никто из израильских воинов не решался выйти на битву с Голиафом, чтобы тем самым принять на себя ответственность за будущее родины. Кроме того, в том, как горячо и уверенно говорил Давид, было нечто необычное: царь чувствовал, что этот мальчик может быть послан Богом. В конце концов Саул дал свое согласие.

Давиду выдали доспехи и оружие, но юный пастушок, никогда не носивший ничего подобного, вынужден был отка-

ваться от них: ведь он не умел ни носить доспехи, ни рубиться мечом. На поле боя он вышел в простой пастушеской одежде и с пращой-камнеметалкой в руке – такой пращой он привык отгонять от стада хищников.

Увидев, кто стоит перед ним, Голиаф поначалу принял это за насмешку. Он не мог поверить, что почти безоружный мальчишка хотел сразиться с ним – с тем, кого страшилось все израильское войско, состоявшее из опытных взрослых воинов!

Однако Давид, не думая о себе и уповая не на собственные слабые силы, но лишь на одного Господа, ответил врачу так: *Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских... Не мечом и копьем спасает Господь!* (1 Цар. 17, 45–47).

Сказав это, Давид раскрутил свою пращу и метнул в Голиафа острый камень. Камень попал филистимлянину прямо в лоб, и могучий воин упал на землю. Подбежав к нему, Давид вытащил у него из ножен меч и отсек ему голову.

Пораженные этой победой мальчика-пастушка над могучим Голиафом, справедливо усмотрев в этом руку Всемогущего Бога, филистимляне в ужасе обратились в бегство. Так было спасено от врагов Израильское царство – спасено благодаря безграничному доверию юного Давида Богу.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Не правда ли, подобные ситуации случаются и в нашей жизни? Как часто,

столкнувшись с неразрешимой на первый взгляд проблемой, мы поддаемся страху, отчаянию, унынию: «Все пропало, эти обстоятельства сильнее меня!» Да, обстоятельства действительно часто бывают сильнее нас. Но ведь и Голиаф был во много раз сильнее пастушка Давида. Что же помогло мальчику победить богатыря – его собственные силы и способности? Нет, помог ему Бог. Ибо *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18, 27).

Будем же помнить об этой древней истории, о том, что нет для нас ничего не возможного, – если только мы будем призывать имя Бога с доверием к Нему, с искренней верой в то, что Господь, войдя в нашу жизнь, управит все ко благу.

Шли годы, и уповавший на Бога своего Давид стал царем Израиля. Он правил своим народом мудро и справедливо, благодаря ему Израиль стал сильным и в то же время благочестивым государством, жители которого искренне чтили Бога и любили свое Отечество. Давид построил новую столицу Израиля – город Иерусалим (что в переводе означает «Город мира»).

Благочестивый царь, наделенный Господом не только мудростью и способностью к делам государственным, но и поэтическим даром, сочинял в честь Создателя прекрасные стихотворные Богодухновенные молитвы-песнопения – псалмы. Впоследствии они были собраны в единый сборник под названием «Псалтирь» (так назывался древний музыкальный инструмент – род гуслей, – игрой на котором

обычно сопровождалось пение таких молитв) и вошли в число книг Священного Писания Ветхого Завета. В некоторых псалмах содержатся пророчества о Грядущем Спасителе – Мессии, Сыне Божием, ибо Господь открывал Своему верному рабу и грядущие судьбы Израиля и всего мира. Поэтому царя Давида называют псалмопевцем и пророком.

Однако и благочестивый Давид порой подпадал под влияние собственных страстей. Однажды это привело его ко греху, в котором царь впоследствии каялся до самого конца жизни.

Однажды, случайно увидев у купальни замужнюю женщину по имени Вирсавия, Давид воспыпал к ней страстью. Ослепленной этим чувством, он послал мужа Вирсавии, Урию, на верную смерть: отдал тайный приказ поставить этого воина на самый опасный участок битвы и там оставить его. Когда Урия погиб, Давид женился на Вирсавии.

Этот страшный грех убийства и прелюбодеяния, подобно поражающей внутренности заразной болезни, сказался впоследствии на семье Давида и на всей его стране: сыновья Давида поссорились друг с другом, один из них восстал против отца и бесславно погиб, на страну обрушились голод и эпидемии... И все же ни род Давидов, ни царство народа израильского не погибли окончательно и впоследствии обрели прежнюю силу и славу. Но произошло это не потому, что грех перестал быть грехом, а потому, что великий царь нашел в себе силы для покаяния.

Господь послал к Давиду пророка Нафана, обличившего царя именем Божиим. И надо отдать должное царю – осознав весь ужас содеянного, он принес искреннее, глубочайшее покаяние. В последовавших бедствиях он винил одного себя, наложил на себя строгий пост и не переставал возносить Богу покаянные молитвы. Одна из таких молитв – проникновенный псалом 50-й – доныне считается образцом покаянного чувства.

И прощение было даровано Давиду Господом. Последние дни его царствования прошли в мире, и наследник его, Соломон, впоследствии также стал мудрым и справедливым правителем. Однако Давиду так и не удалось довести до конца одно из важных дел своей жизни – постройку храма Господня в Иерусалиме; построил храм уже Соломон. Царь-псалмопевец смиренно отнесся к невозможности самому исполнить великое дело: он считал себя недостойным этого по своим грехам.

Дорогие мои! Царь Давид совершил великий грех – но он же дал нам прекрасный образец истинного покаяния. Давайте задумаемся: а часто ли мы сами каемся так же, как и он, не пытаясь оправдать себя, честно признавая свои ошибки и принимая твердое решение никогда не повторять подобного впредь? Задумаемся – и будем брать пример с пророка-псалмопевца в его покаянии и смирении перед Богом...

Не менее удивительный пример смирения, упования на Бога и покорности Его воле находим мы и в житии дальнего

потомка царя Давида – праведного Иосифа Обручника, хранителя девства Пресвятой Богородицы.

Из Священного Предания мы знаем, что Пресвятая Дева, с ранних лет посвященная родителями Богу и воспитанная при храме, желала остаться безбрачной, чтобы полностью отдать Свою жизнь служению Господу. Сейчас, в новозаветную эпоху, мы бы сказали, что Она стремилась к монашеству. Однако в те времена монашества еще не существовало: вступление в брак и рождение детей считались практически священным долгом каждого благочестивого иудея. Впрочем, вдова или замужняя женщина с согласия мужа могла соблюдать любые обеты, в том числе и обет безбрачия. Поэтому священники храма, которым юная воспитанница поведала о своем желании, постарались, когда пришел срок, найти ей такого мужа, который согласился бы стать не мужем, но лишь защитником и покровителем Девы. Таким человеком и стал Иосиф – пожилой многодетный вдовец, после смерти жены ведший жизнь целомудренную, праведную во всех отношениях.

Но еще до того, как был совершен свадебный обряд, Иосиф узнал, что Мария *имеет во чреве* (Мф. 1, 18). Мы можем только догадываться, что испытал при этом праведник. Ведь он еще не знал, что Плод чрева Девы есть от Духа Святого, что Марии предстояло стать Матерью Обетованного Мессии.

Другой человек на месте Иосифа пошел бы на открытый

разрыв со своей обручницей, чтобы общество покарало ее презрением. Но праведник не думал о себе: он чувствовал лишь печаль и хотел развестись с Марией тайно, чтобы не опозорить Ее. И Господь вознаградил праведность Своего верного раба: Иосифу явился Ангел, возвестивший ему о том, что за Ребенок должен родиться у Марии.

Всю дальнейшую жизнь – а прожил он, по преданию, целых 110 лет! – Иосиф посвятил служению Спасителю и Его Пречистой Матери. Когда царь Ирод в ослеплении своем хотел погубить Божественного Младенца, Иосиф не раздумывая бросил все и бежал с Марией и Младенцем в Египет. Он не боялся трудностей и лишений – потому что, подобно своему царственному предку, безгранично уповал на Бога и готов был пожертвовать жизнью ради Него.

Сведения о жизни праведного Иосифа весьма скучны – но и в этом праведник дает нам важный урок. В смирении своем он не гнался за собственной славой, положением, богатством: ему достаточно было находиться в тени неизвестности, служа при этом Господу по мере сил.

Впрочем, Иосиф не забывал и своего отцовского долга в отношении своих сыновей по плоти от первого брака и дал им достойное праведника воспитание. Красноречивое свидетельство тому – житие его самого младшего сына, святого апостола Иакова.

Римо-католики пытаются утверждать, что Иосиф Обручник никогда и не был женат, но оставался девственником,

а «братья и сестры Господни», упомянутые в Евангелиях, – это дети его собственных братьев или сестер, то есть не родные, а двоюродные братья Иисуса Христа. Однако это несообразное утверждение опровергается самой историей. Как мы уже говорили, у иудеев безбрачное состояние считалось неприемлемым, так как человек, не имевший детей, мог этим отдалить пришествие Мессии, – ведь кто знает, может быть, именно среди его потомков должен был родиться Помазанник Божий – Мессия? Исключение составляли люди, принесшие Богу особые обеты, например ессеи. Но ни в Евангелиях, ни в Предании мы не находим указания на то, что Иосиф был ессеем, – он назван лишь *праведным* (Мф. 1, 19). В отличие от ессеев, живших обособленно от остальных иудеев, вне городов, Иосиф вел обычную жизнь горожанина, плотничал, участвовал в государственной переписи. Кроме того, для принесшего обет безбрачия даже формальный брак был бы нарушением обета. Поэтому, коль скоро Иосиф нашел для себя возможным вступить в брак с Марией, он не принадлежал ни к одной из безбрачных религиозных групп, но был обычным благочестивым иудеем. Следовательно, он не мог достигнуть того солидного возраста, в каком сочетался браком с Марией, пребывая в холостом состоянии. Иудеи женились и вступали в брак весьма рано, детей имели много (многочадие считалось Божиим благословением). Согласно Священному Преданию, у Иосифа уже была жена до Марии, а от первой жены были и дети.

Один из них – Иаков с ранних лет подражал в праведности своему благочестивому отцу. С самого детства он горячо возлюбил Бога и имел в сердце лишь одно желание: всей жизнью своей служить Ему. Поэтому, едва достигнув духовного совершеннолетия (тринадцати лет, согласно иудейской традиции), Иаков посвятил себя Богу, принеся пожизненные назорейские обеты, согласно указаниям Самого Господа в Священном Писании: *И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: если мужчина или женщина решится дать обет назорейства, чтобы посвятить себя в назореи Господу, то он должен воздержаться от вина и [крепкого] напитка, и не должен употреблять ни уксусу из вина, ни уксусу из напитка, и ничего приготовленного из винограда не должен пить, и не должен есть ни сырых, ни сушеных виноградных ягод; во все дни назорейства своего не должен он есть ничего, что делается из винограда, от зерен до кожи. Во все дни обета назорейства его бритва не должна касаться головы его; до исполнения дней, на которые он посвятил себя в назореи Господу, свят он: должен расстричь волосы на голове своей. Во все дни, на которые он посвятил себя в назореи Господу, не должен он подходить к мертвому телу: [прикосновением] к отцу своему, и матери своей, и брату своему, и сестре своей, не должен он оскверняться, когда они умрут, потому что посвящение Богу его на главе его; во все дни назорейства своего свят он Господу* (Чис. 6, 1–8). Назореев в древнем иудейском обществе по-

читали как праведников. В чем-то они предвосхищали будущих христианских монахов.

Кроме обычных назорейских обетов воздержания в пище и хранении себя от осквернения, Иаков принял дополнительный обет безбрачия, желая, чтобы даже заботы о семействе не отвлекали его от служения Господу. Все дни свои он проводил в добрых дела, а ночи – в коленопреклоненной молитве, так что от частых коленопреклонений даже кожа на его коленях затвердела, став подобна коже верблюжьей.

По Вознесении Христовом, после того как на апостолов в Сионской горнице сошел Дух Святой, Иакова единодушно избрали епископом, предстоятелем Иерусалимской Церкви. Избрание это ясно показывает нам, какое глубочайшее уважение испытывали к праведнику первые христиане.

Как глава Иерусалимской Церкви, Иаков, в отличие от остальных апостолов, не странствовал с проповедью по чужим городам и странам. Однако служение его было не проще, а, пожалуй, даже сложнее и опаснее, чем странствия и проповедь иноземцам. Иерусалим был центром христианской жизни – но этот же город был и эпицентром вражды не принявших Христа иудеев к христианам. В Иерусалиме жило множество праведников – но в то же время и множество врагов Христовой Церкви, пожалуй, больше, чем где бы то ни было еще. Несмотря на то что Иудея была частью Римской империи и имела своего римского наместника, в Иерусалиме, по сути, правили первосвященник и иудейские ста-

рейшины, многие из которых готовы были бы распять Христа и во второй раз... Чтобы окормлять Иерусалимскую Церковь, недостаточно было одних лишь мужества, мудрости, личной праведности, не помогло бы здесь и дипломатическое искусство – нужна была всенародная любовь, огромный духовный авторитет, непререкаемый не только для христиан, но и для иудеев.

Таким авторитетом апостол Иаков обладал в полной мере. Удивительно, но не обратившиеся ко Христу в своей массе иудеи не только не отвернулись от брата Иисусова, не только не видели в нем врага и вероотступника, как в других апостолах, но продолжали почитать его как праведника, и даже более того – как заступника перед Богом за весь Израиль! За те долгие двадцать четыре года, что Иаков возглавлял Иерусалимскую Церковь, не было ни одного случая выступления против него ни народа, ни иудейских священников, хотя, как мы знаем из книги Деяний, остальные апостолы постоянно становились жертвами ярости толпы в Иерусалиме: например, первомученик архидиакон Стефан, апостолы Петр и Павел. На Иакова же не смели не только поднять руку, но и возвысить против него голос, хотя, казалось бы, он, будучи предстоятелем, олицетворял ту самую Церковь, с которой иудеи боролись в лице остальных апостолов.

Велик был авторитет Иакова и в самой Церкви. Так, например, на Иерусалимском Апостольском Соборе в 51 году, когда обсуждалось, нужно ли обращенным из язычников

соблюдать Закон Моисеев во всей его полноте, именно голос Иакова был решающим, а его речь на Соборе фактически стала Соборной резолюцией (см. Деян. 15), несмотря на то что Первоверховый апостол Петр придерживался противоположного мнения. Это событие, описанное составителем Деяний апостолом Лукой, явно опровергает утверждение римо-католиков о том, что якобы Петр являлся единственным главой Церкви и что поэтому его преемник – римский первовосвященник – должен также безраздельно главенствовать в ней.

Апостол Иаков неустанно проповедовал Христа Распятого жителям Иерусалима – как иудеям, так и язычникам. Успех его проповеди был поразителен. Множество язычников, а еще больше иудеев ежедневно обращалось ко Христу – и не только простых иудеев, но и ученых книжников, и даже священников и старейшин. Ведь о Мессии говорил им великий праведник, которого они глубоко почитали еще до его собственного обращения ко Спасителю! *Видишь, брат, – говорят апостолу Павлу иерусалимские пресвитеры, – сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона* (Деян. 21, 20).

В канон Нового Завета включено Соборное Послание апостола Иакова к двенадцати коленам Израилевым, адресованное христианам из иудеев, живших в рассеянии, то есть в других областях Римской империи и чужих странах за ее пределами. Многие из этих людей ранее жили в Иудее, но

были вынуждены покинуть родину из-за вражды необращенных соплеменников. Поэтому в Послании много внимания уделено увещеванию к терпеливому перенесению страданий. *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершены во всей полноте, без всякого недостатка* (Иак. 1, 2–4) – пишет своей пастве Иерусалимский предстоятель.

Люди верили проповеди Иакова именно потому, что брат Господень был для них духовным авторитетом в силу своей праведности. Они не просто слышали из его уст красивые и правильные слова о Христе – они видели его собственную жизнь, сиявшую светом и любовью.

В начале 60-х годов по Рождестве Христовом первосвященником в Иерусалиме стал некий Анания, человек смелый и дерзкий, принадлежавший к течению саддукеев, непримиримый враг христиан. Видя, какой успех имеет проповедь апостола Иакова, он начал бояться, что вся Иудея может вскоре стать христианской, а потому сразу перешел к решительным действиям.

Впрочем, даже Анания не решился открыто выступить против почитаемого всем народом праведника. Он задумал вначале запугать Иакова, а затем использовать его авторитет для «опровержения» Христова учения. На Пасху 63 года первосвященник в сопровождении всех верных ему старей-

шин пришел к Иакову и начал требовать, чтобы апостол во всеуслышание отрекся от Христа. Неожиданно Иаков согласился – апостол хотел использовать этот случай, чтобы еще громче свидетельствовать о Христе собравшемуся на Пасху народу. Конечно, он понимал, что после такого свидетельства первосвященник не может оставить его в живых. Но жизни своей ему было не жаль – он готов был в любой момент отдать ее за возлюбленного Господа и своих духовных чад. *Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Флп. 1, 21), – сказал апостол Павел, и нет сомнения, что апостол Иаков, брат Господень, был в этом с ним единомыслен.

В день иудейской пасхи, когда вокруг Иерусалимского храма собралась многотысячная толпа, первосвященник и старейшины поставили апостола на крыло храма и, когда все взоры народа обратились к нему, закричали: «Праведный! Мы все обязаны тебе доверять. Народ в заблуждении об Иисусе распятом...»

Анания ожидал, что праведник скажет хотя бы пару слов против Христа, – ведь даже одно-единственное слово из этих почитаемых уст могло разрушить всю Церковь, созидавшуюся годами. Но Иаков громко, во всеуслышание ответил: «Что спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он восседает на Небе одесную Великой Силы и придет на облаках небесных!»

Многие в толпе, убежденные одними этими словами в ис-

тинности Христова учения – так велик был авторитет праведника! – немедленно воскликнули: «Осанна Сыну Давидову!»

Тогда Анания и старейшины бросились к Иакову и столкнули его вниз с огромной высоты, прямо на камни.

Апостол скончался не сразу: из последних сил он продолжал молиться о своих мучителях. И только когда один из сторонников первосвященника ударил его деревянным вальком по голове, праведник испустил дух.

Спустя всего три года после этого события началась Первая Иудейская война, приведшая к разрушению римлянами Иерусалима и сожжению Иерусалимского храма – того самого, с которого был сброшен апостол Иаков, – и положившая начало рассеянию иудеев по всему миру. По свидетельству древних историков, многие иудеи считали случившееся карой Божией за смерть праведника Иакова. Ныне же он на Небесах радуется радостью неизреченной от пребывания со Христом и предстательствует за Новый – духовный Израиль, Христову Церковь, то есть за нас с вами.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Что можем мы сделать, чтобы почтить память святых? Вознести им славословия или построить храм в их честь? Все это хорошо, но прежде всего необходимо подражать их жизни. Слово «подражать» не стоит воспринимать буквально: конечно, не каждый из нас – царь, пророк, апостол или пустынник. Впрочем, и для самих святых все это было лишь обстоятельства-

ми, средствами, которые они использовали для достижения главного: христианских добродетелей и спасения. В этом-то главном мы и должны подражать им, хотя обстоятельства нашей жизни могут быть совсем другими. Будем же стараться уподобиться праведным Давиду, Иосифу и Иакову в их смиренении, безграничном уповании на Господа, покаянии в допущенных грехах, любви к Богу и людям, будем, как и они, стараться по мере наших сил служить нашему Господу и ближним – и тогда сердца святых в Небесных селениях действительно возрадуются о нас. *Подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16), – сказал апостол Павел, и нет сомнения, что того же желают все угодники Божии.

И да помогут нам в этом молитвы святых Давида царя, Иосифа Обручника и Иакова, брата Господня!

Аминь.

Слово в день памяти святителя Макария, митрополита Московского (30 декабря / 12 января)

*Богомудрым учением и книжным списанием
потыкался еси, святителю Макарие, люди
российския просветити и святых земли нашея
прославити.*

Кондак святителю Макарию Московскому

**Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!**

Сегодня Святая Православная Церковь празднует память святителя Макария, митрополита Московского (1482–1563) – верного служителя Христова, защитника Православия, ревностного пастыря, подвижника и просветителя, сыгравшего исключительно важную роль в истории Русской Церкви и государства Российского и по праву называвшегося «собирателем Церкви Русской».

Будущий подвижник родился в столичном граде Москве в конце XV века. Семья его и вообще род не отличались ни знатностью, ни богатством, но зато у этой семьи в преизобилии было то, что, по слову Писания, *лучше тысячи золота и серебра* (Пс. 118, 72), – искренняя христианская вера, подлинное благочестие, деятельное стремление всегда и во всем следовать заповедям Господним. Род этот с полным правом мог бы применить к себе известные слова святого царя-псалмопевца Давида: *Иные колесницами, иные конями, а мы имеем Господа Бога нашего хвалимся* (Пс. 19, 8); все, кто принадлежал к этому роду, усердно служили Господу в самых разных званиях. Одних только монашествующих в этой семье было немало: в личном синодике (помяннике) святителя Макария упоминаются «инокиня Наталия, инок Акакий, инок Иоасаф, игумен Вассиан, архимандрит Кассиан, священномир иерей Игнатий, инок Селиван и инок Макарий». Были в его родне представители и священства, и благочестивые миряне... Родственником святителя Макария был знаменитый пастырь, непримиримый борец с ересями за чи-

стоту Православия на Руси преподобный Иосиф Волоцкий (1440–1515).

Особым благочестием отличались и сами родители святителя Макария. Отец его скончался очень рано; мать, оставшись молодой вдовой, могла бы выйти замуж во второй раз – но, будучи искренне верующей в Воскресение и будущую жизнь, предпочла хранить верность покойному мужу, проводя жизнь в честном вдовстве, воспитывая сына и ожидая новой встречи с любимым супругом в Царстве Небесном. А после того как сын достиг совершеннолетия и не нуждался больше в материнской опеке, эта благочестивая женщина окончательно оставила мир, приняв монашеский постриг в одной из московских женских обителей.

Мог ли сын подобного семейства вырасти человеком неблагочестивым?

Вопрос этот отнюдь не риторический: каждому человеку дана от Бога свободная воля, которую не отнимает у него даже Сам Господь, а потому до самого конца земной жизни у любого из нас есть возможность выбрать как добро, так и зло. Поэтому бывает и так, что человек, выросший в хорошей семье и благочестивом окружении, становится страшным грешником, злодеем; и наоборот – ребенок грешников и богохульников может, сопротивляясь дурному влиянию среды, подняться до высот святости. Как в истории Церкви, так и в повседневной жизни вокруг нас найдется немало примеров того и другого.

Но все же гораздо легче идти по Христовой дороге тем, кто с самого детства имел перед глазами благой пример родителей и родственников, кто был изначально научен основам благочестия. Что проще: выучить чужой язык во взрослом возрасте или обучиться ему с детства? Ответ очевиден. Детские ум, сердце и душа – душа растущего человека, самой природой настроенной на познание мира, – особенно восприимчивы ко всему, и хорошему, и плохому. Семена, посаженные в них старшими, укореняются особенно быстро и прочно – ведь почва эта, еще не успевшая отвердеть и утомиться в многочисленных взрослых заботах, исключительно благодатна. Ростки эти крайне трудно потом вырвать из человеческой души; если это ростки добрые – даже самым тяжелым обстоятельствам жизни нелегко будет поколебать их, а если дурные – то самому человеку будет очень и очень непросто выполоть их, как сорняки, мешающие прорастать зерну добруму. У многих этот тяжкий труд затягивается на всю жизнь и, хотя в конце концов непременно увенчивается, все же стоит таким людям немалых трудов и страданий.

Поэтому исключительно важно с самого раннего возраста давать детям христианское воспитание, не жалеть на это ни сил, ни времени. Пусть лучше дети недополучат каких-то материальных благ, поступят не в самую престижную школу города, не будут каждый год ездить на курорты – но зато будут иметь возможность полноценно общаться с родителями, получать первые уроки и примеры жизни именно от них.

Лишая ребенка этого общения, мы обкрадываем его, совершаем непростительное преступление по отношению к нему и его будущему, закладываем основы его будущих трудностей. И наоборот – воспитывая своих детей в духе Христовой истины, мы собираем для них неоценимое сокровище, закладываем прочный фундамент, на котором им потом будет легче построить здание своего счастья, – ведь истинное счастье возможно только в единении с Богом.

Итак, мать будущего подвижника приняла монашеский постриг. Материнский пример вдохновил и сына: воспитанный в любви к Богу, он также решил посвятить Ему всю свою жизнь без остатка. Юноша поступил послушником в монастырь преподобного Пафнутия Боровского – обитель, известную строгой и добродетельной жизнью, а также ученостью своей братии. Именно в этой обители подвизался в свое время святой родственник молодого инока – преподобный Иосиф Волоцкий, а также и многие другие православные подвижники благочестия.

Об этом периоде жизни святителя Макария известно не много. Человек весьма смиренный, он, как и подобает новоначальному иноку, проходил послушнический, а затем и монашеский искус в простоте и усердии, думая не о том, как бы выделиться из числа братии, а о том, как лучше угодить Богу, помочь ближнему и очистить собственную душу. Макарий неустанно обучался у опытных старцев обители основам монашеской жизни, изучал Священное Писание, трудился на

монастырских послушаниях. В таких занятиях и трудах он «много лет пребыв и достойно ходив, житие жестокое искусив».

Господу было угодно возысить Своего верного раба – смиренного инока Макария, чтобы его многочисленные таланты и добродетели служили не только братии Пафнутиевского монастыря, но и всей Православной Руси и шире – всей Православной Церкви.

В 1526 году Макарий был поставлен архиепископом Великого Новгорода и Пскова. Назначение это на древнюю кафедру, хотя и выглядело весьма почетным, на деле влекло за собой непростые обязанности. Всего за полвека до того была упразднена старинная Новгородская «республика», древний вольный город был подчинен Москве, войдя в состав единого Русского государства. Конечно, в условиях XVI столетия – века сильных централизованных государств, а не средневековых удельных княжеств – подобное объединение было только на пользу и самому Новгороду, и всей Русской земле; более того – оно было абсолютно необходимо, так как только единая Русь могла в те годы отстаивать свою политическую, духовную и культурную независимость, отражать нападения своих многочисленных недругов. Но далеко не все новгородцы смотрели так далеко и широко. Большинство продолжало открыто высказывать недовольство подчинением Москве, упразднением былых «вольностей». Эту неприязнь к централизованной власти новгородцы переносили и

на Церковь, не желая подчиняться «московским ставленникам»; в то же время весьма опасно было и позволить им самим выбирать себе епископа из собственной среды, так как в сложившихся условиях им практически наверняка стал бы кто-нибудь из сторонников «независимости», а это создало бы огромные проблемы как для церковной жизни, так и для единства страны. Поэтому после смерти предыдущего архиепископа Новгородская кафедра вдовствовала больше семнадцати лет! Достойного преемника покойному архипастырю, удовлетворявшему бы все стороны этого вялотекущего конфликта между Новгородом и Москвой и способного справиться с непростой ситуацией, все не находилось...

Наконец, выбор церковных иерархов и великого князя Василия III (1472–1533) пал на Макария – и оказался весьма удачным. Прибыв на сложную кафедру, новый архиепископ, хотя и был уроженцем Москвы, очень быстро расположил к себе всех жителей города, даже убежденных противников всего московского. Да и как было не полюбить этого мудрого, смиренного и в то же время весьма деятельного пастыря? За короткий срок святителю Макарию удалось полностью восстановить и наладить церковную жизнь в своей епархии; его трудами была восстановлена и благоукрашена главная новгородская святыня – Софийский собор, к тому времени сильно обветшавший. Кроме того, в городе было возведено множество новых храмов, налажена монастырская жизнь: в большинстве новгородских монастырей указом архиепи-

скопа был введен общежительный устав, после чего число монахов начало быстро расти. Святитель всячески покровительствовал традиционным церковным искусствам Великого Новгорода – иконописи и изготовлению церковной утвари. При нем новгородские мастерские достигли своего расцвета и обогатили Русскую Церковь настоящими произведениями искусства... Видя такие усердные труды нового архиепископа на благо Новгородской епархии, даже у самих новгородцев, скептически настроенных к «московскому ставленнику», вскоре исчезло всякое недоверие к святителю, сменившись искренним уважением и сыновней любовью.

Впрочем, заботился святитель не только о новгородцах. В его обширную епархию входили и северные земли, в свое время разведанные и отчасти колонизированные Великим Новгородом, где все еще обитало немало племен, не просвещенных Светом Христовым. Конечно, такой ревностный пастырь, каким был святитель Макарий, не мог оставить и эту часть своей паствы без должного попечения. Его трудами было организовано обширное миссионерское движение, занимавшееся христианской проповедью среди северных язычников. Святитель сам готовил, рукополагал и посыпал в северные пределы своей епархии священников-миссионеров. В числе этих просветителей – духовных детей святителя Макария – были такие известные миссионеры, как преподобный Трифон Печенгский (1495–1583), получивший от святителя, помимо собственно благословения на проповедь

среди язычников, благословенную грамоту, антиминс, священные сосуды и книги, и преподобный Феодорит Кольский (1481–1571), получивший от архиепископа Макария благословение проповедовать Христа лопарям на их родном языке. Значение трудов этих миссионеров в приобщении северных племен к христианской вере, а также и в их культурном развитии трудно переоценить, и в немалой степени их успехи были заслугой святителя Макария.

Находясь на Новгородской кафедре, святитель Макарий приступил и к главному труду своей жизни, оставшемуся в церковной истории неразрывно связанным с его именем и послужившему не одному поколению русских православных людей, – составлению Великих Четыех Миней, получивших впоследствии название Макарьевских.

Традиционные четви минеи – то есть «собрание текстов для чтения на каждый день месяца» – представляли собой сборники душеполезных текстов, в основном житий святых, собранных воедино и расположенных в соответствии с днями года. В то время по Руси ходило множество самых разных списков житий и духовной литературы; списки эти были разрозненными, несистематизированными, нередко в текстах встречались ошибки и неточности… Заботясь о просвещении и духовном назидании своей паствы и вообще всего православного люда, святитель Макарий решил приняться за поистине титанический труд: собирание воедино, исправление и должную систематизацию не только житий святых,

но и вообще всех православных произведений церковно-повествовательного и духовно-учительного характера, существовавших в те годы на славянском языке.

В Великие Макарьевские Четыи Минеи вошли как произведения греческих, латинских и ближневосточных богословов, переведенные на славянский язык, так и творения собственно древнерусских церковных писателей: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, труды епископа Кирилла Туровского, иеромонаха Пахомия Серба и многих, многих других. Святоотеческие и богословские творения были расположены в соответствии с днями каждого месяца, тут же помещались жития святых, чья память праздновалась в этот день. В конце Миней были помещены различные сборники душеполезных изречений и повествований: «Златоструй», «Пчела», «Маргарит» и другие. Все тексты, вошедшие в Великие Четыи Минеи, не просто собирались и переписывались, но и тщательно редактировались с учетом древних греческих и славянских текстов, благо в Великом Новгороде были богатые библиотеки, и недостатка в материалах для работы у святителя Макария и его помощников не было.

Напряженная работа над составлением Великих Четыих Миней заняла у святителя Макария больше двадцати лет. Начав ее на Новгородской кафедре, святитель продолжил свои просветительские труды в Москве, митрополитом которой был избран в 1542 году. Святителю в это время было

уже около шестидесяти лет.

Время это было для Руси нелегкое. После смерти великого князя Московского Василия III русский престол должен был унаследовать его сын, Иван Васильевич. Но наследник был еще мал, так что фактически страной управляла его мать Елена Глинская, а при дворе шла непримиримая борьба за власть между

различными боярскими родами и партиями. Бояре надеялись, что при попустительстве вдовствующей княгини смогут воспитать наследника безвольным и во всем послушным их воле и даже после совершеннолетия Ивана сами станут править страной. Как все мы знаем из истории, надежды их не только не оправдались, но обернулись прямо противоположным: Иван Васильевич Грозный, Иоанн IV (1530–1584), мальчик умный, но от природы нервный, пережив в детстве немало унижений со стороны бояр, вырос человеком злобным, подозрительным и мстительным и впоследствии жестоко отомстил знатным боярским родам, предав многих их представителей мучительной казни. Да и вся Русь очень страдала под властью этого жестокого царя, подверженного вспышкам настоящего безумия, – а ведь он мог бы вырасти совсем другим, если бы получил в детстве достойное воспитание, если бы бояре думали не о том, как бы приумножить личные богатства или установить свою власть над страной, а о том, как подготовить для родной (!) страны достойного правителя...

Святитель Макарий, как никто другой, понимал всю пагубность боярских склок у трона и использовал весь свой первосвятительский авторитет, чтобы прекратить их. Именно он добился устраниния от власти влиятельного клана Шуйских, а спустя несколько лет, в 1533 году, венчал Ивана Васильевича на царство, как бы закрыв тем самым саму возможность раздела власти между боярами: ведь одно дело – выступать против великого князя, пусть и носящего титул «всех Руши», и совсем другое – против первого русского царя, к тому же на тот момент единственного православного царя во всем мире! Вообще, превращение Руси из великого княжества в великое царство, произшедшее при активном участии святителя Макария, сыграло исключительно важную роль в сохранении целостности и независимости страны.

Святитель Макарий вошел в число членов так называемой Избранной Рады – своего рода парламента или совета при царе, имевшего большое влияние на царскую политику, и в этой должности принимал участие в разработке и проведении в жизнь различных полезных для народной и церковной жизни реформ.

Но главным делом Московского первосвятителя оставалась все же не политика, а пастырство. Святитель продолжает работу над Четьями Минеями; кроме того, желая, чтобы душеполезные книги и вообще грамоты были доступны как можно большему числу людей – и богатым, и бедным, –

этот выдающийся просветитель прикладывает немалые усилия по введению на Руси книгопечатания, изобретенного незадолго до того. Его заботами в Москве в 1553 году была открыта первая типография.

Святитель Макарий неустанно заботился о том, чтобы должным образом организовать церковную жизнь русского народа, а также дать ему как можно больше добрых примеров христианской жизни в лице святых. Его стараниями в Москве были собраны два Поместных Собора Русской Православной Церкви – в 1547 и 1549 годах, – оставшихся в истории под названием «Макарьевских». На этих Соборах было официально прославлено множество русских святых, в том числе такие подвижники, как Петр и Феврония Муромские, Александр Невский, Савва Сторожевский, Александр Свирский, Михаил Ярославич Тверской и Нифонт Новгородский. А в 1551 году стараниями митрополита Московского Макария был созван знаменитый Поместный Стоглавый Собор, названный так потому, что решения его были изложены в виде ста глав. На Соборе рассматривались самые разные вопросы: внешность христианина, его поведение, церковное благочиние и дисциплина, церковная иконопись, духовное просвещение и многие, многие другие. Хотя некоторые из решений Стоглавого Собора были впоследствии отменены на других Поместных Соборах, он все же сыграл большую роль в должной организации религиозной жизни на Руси.

Что можем мы сказать о личности святителя Макария? Из

летописей вырисовывается образ человека деятельного, умного, проницательного и в то же время смиренного. Современники вспоминают о нем как о великом молитвеннике и подвижнике. «Митрополит святейший Макарий, на Москве неподвижно живший и правивший слово Божие истинное, — пишет один из них, — от великого воздержания едва могходить, кроток же был и смирен и милостив ко всем, нравом был как дитя, умом же всегда совершен».

Святитель не страшился обличать пороки сильных мира сего, в том числе самого царя Ивана Васильевича. Нередко приходилось подвижнику прибегать к юродству, чтобы заставить гордецов задуматься. Так, однажды царь передал ему просьбу прислать во дворец какую-либо душеполезную книгу — и святитель отправил ему чин погребения. Суеверный царь, разгневанный на столь явное напоминание о неизбежной для всех смерти, приказал передать святителю: «Ты прислал мне чин погребальный, а в наши царские чертоги такие книги не вносятся!» Макарий же отвечал царю просто и без всякого страха: «Я, богомолец твой, послал спроста по твоему приказу, что ты велел прислать книгу душеполезную; и эта книга всех полезней: если кто ее со вниманием почитает, тот вовеки не согрешит».

О, если бы грозный царь внял увещеваниям святителя, если бы действительно задумался о своей жизни! Скольких бед избежала бы в будущем Русь! Но увы — уже тогда Ивана Васильевича больше занимали вопросы снятия любых (в том

числе и богоустановленных) ограничений своей власти... А в 1563 году святитель Макарий скончался – и тем легче стало забыть его мудрые наставления, до этих пор хотя бы как-то сдерживавшие безумные порывы жестокого царя.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Как можем мы почтить святителя Макария? Воздать ему честь, спеть торжественные песнопения о нем, может быть, даже воздвигнуть храм в его честь?

Но ведь подобные знаки внимания и уважения оказывал Московскому святителю и царь Иван Грозный – однако это оказание подвижнику почестей не спасло самого царя от страшных грехов.

Нет, дорогие мои! Лучший способ почитания святых – подражать их жизни, следовать их заветам духовным. Конечно, не каждый из нас призван к монашескому пути, не каждый может стать архиереем, не каждый может и приобрести такой всенародный авторитет и сыграть такую роль в истории родной страны, как это сделал святитель Макарий Московский. Но главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников. Чему можем мы, простые люди, поучиться у святителя Макария? Конечно, его верности Господу и святой Православной вере, его желанию служить Богу и ближним, его мужеству и забвению собственных интересов в этом служении, его смирению и духовной мудрости. Все это нужно и важно для каждого христианина.

Будем же по мере сил подражать святителю Макарию,

митрополиту Московскому, и просить у Господа укрепления на этом пути, восклицая вместе со всей Святой Православной Церковью: «Яко великим пастырем единонравна и учителем вселенныя единомысленна, Божия Премудрости служителя изрядна, иже блаженству тезоименита, днесъ, вернини, вси воспоим: Христа Бога моли, святителю Макарие, умирити мир и спаси души наша!»

Аминь.

Слово в день памяти святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской (1/14 января)

*Во всю землю изыде вещание твое, яко приемишию
слово твое, имже Боголепно научил еси, естество
сущих уяснил еси, человеческая обычаи украсил
еси...*

Тропарь святителю Василию Великому

**Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!**

Сегодня Святая Православная Церковь празднует память святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской (330–379), одного из святых Вселенских учителей и отцов Православной Церкви. Близкий друг святителя Василия, также великий святой и один из отцов Церкви – святитель Григорий Богослов (330–389), – так характеризовал этого человека: «Он был опора веры, правило истины, образец в Церкви, обитель Духа, муж, превзошедший меру и жизни человеческой, и добродетелей, муж многообъемлющий, великий и святой; душа его была божественна, он был мужественный подвижник истины, который не иным чем дышал, как благочестивым и спасительным для всего мира учением; для всех был он образцом веры и добродетели, слово его было высокомудренно, глубоко и совершенно».

Житие святителя Василия, так же как и его многочисленные творения, является собой замечательный пример подлинно христианской жизни.

Будущий святитель родился в городе Кесария Каппадокийская (или же, по мнению некоторых исследователей его жизни, в Неокесарии Понтийской) в благочестивой христианской семье праведного Василия Ритора (преподавателя риторики) и его супруги, святой Эмилии. Отец Василия был понтийским греком, коренным жителем Понта (южного побережья Черного моря), а род его матери происходил из Каппадокии – области в центре Малой Азии (ныне территория Турции). Оба супруга принадлежали к богатой аристокра-

тии, владели значительными земельными угодьями в Понте, Каппадокии и Малой Армении, среди их предков и родственников были военачальники, крупные государственные чиновники, царедворцы, влиятельные землевладельцы, знаменитые адвокаты и ораторы. Однако главным достоянием родителей Василия было не знатное происхождение, не образование и не богатство, а христианская вера, истинность искренность которой они засвидетельствовали всей своей жизнью, а их собственные родители – подвигами мученичества и исповедничества.

В начале IV века, когда святая Эмилия была еще совсем юной девушкой, в ее родной Каппадокии начались гонения на христиан. Правитель области потребовал и от родителей Эмилии, людей богатых и высокопоставленных, отречься от Христа. Когда же благочестивые супруги отказались сделать это, он приказал предать их казни, а все имущество раздать вельможам-язычникам. Так юная Эмилия в одночасье осталась бедной круглой сиротой.

Перед благочестивой девушкой встала тяжелая необходимость выбора дальнейшего жизненного пути. Ее чистая душа с ранних лет полюбила Христа, тянулась к Нему всеми своими силами, и Эмилия всерьез задумывалась о принятии подвига девства, чтобы полностью посвятить свою жизнь служению Господу. При этом девушка понимала, что положение бедной сироты-христианки в окружении язычников таило в себе немало опасностей. Эмилия отличалась редкой красо-

той, умом и образованностью, что привлекало к ней внимание множества кappадокийских юношей. При царивших в тогдашней, еще языческой Римской империи нравах кто-нибудь из потерявших голову влюбленных мог решиться похитить девушку даже из общине девственниц... Так как у сироты Эмилии не осталось земных защитников, она приняла решение вступить в брак с надежным человеком, который смог бы защитить ее от угроз и искушений языческого мира и с которым она могла бы построить настоящую христианскую семью.

Несмотря на то что Эмилия после мученической кончины родителей осталась бесприданницей, удивительные красота и ум давали ей возможность сделать любую, самую удачную партию и тем самым вернуть себе утраченные достоинство и положение в обществе. Тем не менее мудрая и благочестивая Эмилия выбрала в мужья человека не столь богатого, сколь добродетельного, умного и целомудренного. Вот что пишет об этом один из сыновей Эмилии, младший брат Василия Великого святитель Григорий Нисский (335–394): «[Наша мать] была столь добродетельной, что во всем руководствовалась Божиим повелением, и так сильно стремилась к чистой и непорочной жизни, что и брак не избрала бы по своей воле. Но поскольку она была круглой сиротой, а в пору юности цвела такой красотой телесной, что молва о ней побуждала многих искать ее руки, возникла угроза, что если она не соединится с кем-либо по доброй воле, то ей придет-

ся вынести какое-нибудь нежелательное оскорбление, потому что обезумевшие от ее красоты уже готовы были решиться на похищение. По этой причине избрав человека известного и уважаемого за безупречность поведения, она нашла в нем защитника своей жизни».

Избранником Эмилии стал понтиец Василий, преподаватель основы античного высшего образования – риторики. Этот молодой человек, как и сама Эмилия, принадлежал к благочестивой христианской семье, пострадавшей за Христа в годы правления императора Максимиана Дайи (305–311), жестокого гонителя христиан. Родители ритора Василия (мать его, духовная дочь святителя Григория Чудотворца (213–270), епископа Неокесарийского, впоследствии была прославлена в лице святых как Макрина Старшая) семья скрывались в горных лесах Понта от преследований язычников. Святитель Григорий Богослов (близкий друг Василия Великого и Григория Нисского) пишет об этом подвиге исповедничества следующее: «Настало гонение, и из гонений самое ужасное и тягостное; говорю об известном вам гонении Максимиана, который, явясь после многих нездолго до него бывших гонителей, сделал, что все они кажутся перед ним человеколюбивыми, – такова была его дерзость и с таким упорством старался он одержать верх в нечестии! С ним препирались многие из наших подвижников, и одни подвижались до смерти, а другие едва не до смерти, для того только оставленные в живых, чтобы пережить победу и не окончить

жизнь вместе с борьбой, но других побуждать к добродетели, быть живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвной проповедью. В числе многих известных были и предки Василия [Великого] по отцу; и как они прошли весь путь благочестия, то время это доставило прекрасный венец их подвигу. Хотя сердце их было готово с радостью претерпеть все, за что венчает Христос подражавших собственному Его ради нас подвигу, однако же они знали, что и сам подвиг должен быть законным. А закон мученичества таков, чтобы как, щадя гонителей и немощных, не выходить на подвиг самовольно, так, выйдя, не отступать, потому что первое есть дерзость, а последнее – малодушие. Поэтому, чтобы и в этом почтить Законодателя, что предпримут они? Или лучше сказать, куда ведет их Промысл, управляющий всеми их делами? Они убегают в один лес на понтийских горах, а таких лесов у них много, и они глубоки и простираются на большое пространство; убегают, имея при себе весьма немногих спутников в бегстве и служителей. Другие станут удивляться частью продолжительности бегства, которое, как говорят, было весьма долговременно, длилось до семи лет или даже несколько больше, частью роду жизни для людей, живших в довольстве, скорбному и, вероятно, непривычному бедствованию их на открытом воздухе от стужи, жары и дождей, пребыванию в пустыне, вдали от друзей, без сообщения и связи с людьми, что увеличивало злострадания видевших себя прежде окруженными многолюдством и прини-

мавших от всех почитание».

Таким образом, Господь, по Своей неизреченной милости, соединил двух благочестивых христиан, потомков мучеников и исповедников Своих. Брак этот оказался на редкость счастливым: Василий Старший и Эмилия любили друг друга истинно христианской супружеской любовью и рука об руку шли по дороге к Царствию Небесному. Святой Василий Ритор был одним из лучших в ту пору учителей красноречия, а святая Эмилия – образцовой хранительницей домашнего очага. Будучи одним из самых известных риторов в Римской империи, глава семьи учил своих учеников прежде всего подлинной нравственности – и тем же самым занималась в отношении своих домочадцев его достойная помощница. При этом необходимо отметить, что античные риторы зачастую принимали обучающихся на дому, где сам вид благочинно устроенного семейного быта был немалым подспорьем в деле внедрения в учебный процесс христианских нравственных начал.

Святитель Григорий Богослов, восхищенный прекрасным примером христианского супружества, так говорит о родителях своего лучшего друга: «Супружество его родителей, в котором единое стремление к добродетели играло неменьшую роль, чем единство тел, имело многие отличительные черты, как-то: питание нищих, странноприимство, очищение души посредством воздержания, посвящение Богу части своего имущества, а о последнем многие тогда усердствова-

ли, как ныне, когда обычай этот вошел в силу и уважается по прежним примерам. Оно имело и другие добрые качества, которых достаточно было, чтобы наполнить слух многих даже и тогда, когда бы Понт и Каппадокия разделили их между собой».

И действительно – святая семья, возвратившаяся на родину ритора Василия, в Понт, и проживавшая в городе Неокесарии, была известна своей добродетельной жизнью не только среди христиан, но и среди язычников, – союз Василия и Эмилии стал настоящим примером христианской семьи, гармонично сочетавшей в себе духовное, душевное и телесное. Они жили в миру, не прячась от него в «твёрдьне» псевдоблагочестия, занимались обычными мирскими делами – но при этом не проникались чуждыми влияниями, а, наоборот, своей искренней любовью к Богу и друг к другу преображали мир вокруг себя, наполняя его Светом Христовым.

Благочестивый и гармоничный христианский союз Василия и Эмилии принес обильный и прекрасный плод – не только духовный, но и телесный. За двадцать лет семейной жизни у супругов родилось десять детей. Один из этих детей умер во младенчестве (что было не редкостью для той эпохи), но остальные девять – Макрина, Василий Великий, Навкратий, Григорий Нисский, Петр Севастийский и четыре дочери, имена которых не дошли до нас, – благополучно выросли, с ранних лет питая свои души благочестием родителей, и впоследствии также просияли святостью. Святитель

Григорий Богослов не зря называет супружество Василия и Эмилии «многочадным и благочадным» и говорит о благочестивых супругах такие проникновенные слова: «О родителях же Василия засвидетельствовал нам действительный опыт, что они и сами по себе, если бы не сделались родителями таких детей, довольно имели у себя похвальных качеств, и имея таких детей, если бы не преуспели столько в добродетели, по одному благочестию превзошли бы всех. Ежели из детей один или двое бывают достойны похвалы, то это можно приписать и природе. Но превосходство во всех очевидно служит к похвале родивших. А это показывает блаженнейшее число иереев, девственников и обязавшихся супружеством, которым супружеская жизнь никоим образом не воспрепятствовала наравне с первыми преуспеть в добродетели; напротив, они обратили это в избрание только рода, а не образа жизни».

Основой христианского воспитания, которое святые Василий и Эмилия дали своим детям, было привитие им навыка постоянного пребывания с Богом. Соответственное возрасту молитвенное правило, хорошее знание Священного Писания и Священного Предания, а самое главное – регулярное посещение Церкви – вот три столпа, на которых зиждилось их семейное обучение христианской вере.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! История семьи святителя Василия Великого – замечательный пример христианского супружества, чадородия и воспитания детей.

Нередко в наше время приходится слышать в православной среде (в том числе из уст священников) призывы к непременной многодетности. Призывы эти основываются на утверждении, что *жена спасется чадородием* (1 Тим. 2, 15). Однако нигде в Писании буквально не утверждается, будто женщина спасется исключительно чадородием, то есть что это главный и чуть ли не единственno верный для нее путь спасения. Вот что говорит апостол Павел в своем Первом Послании к Тимофею: *жена... спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). Иными словами, условием спасения апостол называет здесь не чадородие как таковое, а веру, любовь, целомудрие и вообще добродетельную христианскую жизнь, святость! Не зачатием и родами спасается женщина, но – жизнью в Боге, возрастанием в добродетели, очищением своего сердца...

При чем же здесь в таком случае чадородие, зачем апостол вообще упоминает его, даже еще и с предлогом «через» – который свидетельствует, что и рождение детей все же имеет некоторое отношение ко спасению?

Да при том, дорогие мои, что, воспитывая своих детей надлежащим образом, уча их вере и любви к Богу – и не только словом, но и личным примером, помогая им стать людьми добродетельными и праведными, приводя таким образом в мир новых христиан, достойных этого великого имени, – женщина приносит немалую пользу и собственной душе. Вообще, посодействовать спасению другого человека –

одно из наиболее значительных добрых дел, доступных нам на земле; а собственным детям, которые безгранично доверяют родителям, которые берут с родителей пример во всем, оказать это содействие удобнее и легче всего.

Поэтому весьма неразумно и даже преступно поступают те многодетные родители (да и вообще любые родители), которые стремятся лишь к тому, чтобы только родить ребенка, и считают, что на этом их долг перед Богом и перед собственными детьми исполнен. Нет, дорогие мои, на этом родительские обязанности только начинаются! Дав жизнь ребенку, мы должны вырастить его настоящим человеком, христианином – а это нелегкий труд! И этого труда родители не имеют права избегать, оправдываясь тем, что им «некогда», «не хватает времени и сил»: нельзя снимать с себя ответственность за будущее человеческой души на земле... и в вечности.

Конечно, для подобного труда недостаточно одних только познаний о вере – необходимы личные добродетели, ведь детей невозможно обмануть. Если родители учат их одному, а сами поступают совсем по-другому – все благие родительские слова пропадут втуне, потому что личный пример для детей неизмеримо важнее слов. Потому-то апостол и подчеркивает, что женщина спасется, *если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием*. Относится это, конечно, не к одним только женщинам, но и к мужчинам – ведь отец для ребенка не менее важен и нужен, чем мать, и дол-

жен принимать неменьшее участие в воспитании. Замечательный пример подобного подхода, подлинно благого, христианского чадородия и многочадия видим мы в родительской семье святителя Василия Великого. И плод этого подхода, этих благих родительских трудов оказался поистине прекрасен: целое семейство святых!

Раннее детство Василия Великого прошло в окрестностях родного города его отца, Неокесарии. Ритор Василий, будучи традиционным понтийцем и соблюдая древние обычай своего народа, временно передал своего старшего сына, сразу после его рождения, на воспитание в семью простых понтийских крестьян. Этот пришедший из глубины веков обычай, согласно которому старшие сыновья-наследники аристократов в течение нескольких лет воспитывались в простых семьях (за что временные родители впоследствии получали вознаграждение), вплоть до недавнего времени сохранялся у многих народов Понта и Кавказа (в русской литературе он известен под названием «аталычества»). Цели обычай преследовал благородные, вполне согласные с духом Христовой веры: мальчики из знатных и богатых семей с ранних лет узнавали жизнь простонародья, приучались, несмотря на собственное богатство, довольствоваться малым, а впоследствии лучше понимали свой народ и относились с состраданием к его бедам. Кроме того, члены семьи временных родителей и после окончания периода аталычества продолжали считаться близкими родственниками своего знатного воспи-

танника – это родство с простолюдинами не позволяло юношам-аристократам излишне кичиться своей знатностью и отделять себя от народа.

Действительно, святитель Василий впоследствии обнаруживал замечательное понимание проблем и нужд простого народа, составлявшего большинство его паствы. Хотя духом и умом святитель возносился в высочайшие пределы созерцания и богословия, в его пастирской практике для него не существовало «низких» предметов: он с одинаковым усердием вникал и в тонкости учения о Троице, и в дела об умыкании невест в горных деревнях. Молочный же брат Василия, родной сын его временной матери и кормилицы, по имени Дорофей, до конца дней оставался его близким родственником и другом – по словам самого Василия, он считал Дорофея «за одно с собою». Впоследствии Дорофей, как и его молочный брат, принял священный сан. С большой долей уверенности можно предположить, что получить надлежащее пресвитеру образование ему помогла семья Василия.

Впрочем, несмотря на обычай, Василию все же не пришлось долго пробыть в семье кормилицы: этому помешало его слабое здоровье. Еще будучи «младенцем» (то есть не старше семи лет от роду), Василий тяжело заболел, так что не осталось уже никаких надежд на его выздоровление. За умирающего ребенка горячо молилась вся его родня. Наконец, отцу Василия во время молитвы явился Сам Христос, обратившийся к нему со словами из Евангелия, три века то-

му назад скзанными царедворцу из Капернаума: *Пойди, сын твой здоров* (Ин. 4, 50). И действительно, в тот же час мальчик чудесным образом исцелился. Однако здоровье его так и не восстановилось до конца: с тех пор и до конца земной жизни святителя Василия мучил какой-то тяжкий недуг, о котором и он сам, и его друзья и родственники неоднократно упоминают в письмах. Святитель принимал свою телесную немощь со смирением, как данный Богом крест и лекарство от гордыни и излишней горячности нрава. В этом Василий уподобился апостолу Павлу, которому также дано было *жало в плоть, ангел сатаны, удручать его*, дабы он *не превозносился чрезвычайностью откровений* (2 Кор. 12, 7).

В целях поправки здоровья юного Василия поселили у бабушки по отцу, Макрины Старшей, в ее загородном поместье на берегах реки Ирис. Время, проведенное с бабушкой, сыграло важную роль в деле духовного воспитания будущего святителя: благочестивая исповедница Христова Макрина, в отличие от большинства бабушек – увы, и тогдаших, и нынешних, – заботилась не только о том, как бы побаловать любимого внука, но и прилагала все усилия, дабы воспитать его истинным христианином, «образуя его догматами благочестия», как он сам впоследствии вспоминал. Эти духовные семена, посеянные в душе маленького Василия бабушкой, проросли и явили миру поистине чудный плод.

Время шло, и Василию пришла пора получать образование. Оставив дом бабушки, он вернулся в город, к родите-

лям, и в течение нескольких лет обучался в начальной школе Неокесарии под руководством собственного отца, воспринимая от праведного Василия не только основы наук, но и основы благочестия. Мальчик выказывал недюжинные способности и к тому, и к другому, преуспевая, по воспоминаниям его брата Григория Нисского, как в слове, так и в делах.

Однако благочестивому отцу не долго пришлось радоваться успехам старшего сына. Когда Василию исполнилось четырнадцать лет (возраст, с которого для мальчиков начиналось совершеннолетие), его отец заболел и скоропостижно скончался.

Василий к тому времени уже окончил школу и следующие два года неотлучно провел в Неокесарии, утешая скорбящую мать. Однако юноше необходимо было продолжать свое образование – этого всегда хотел и его покойный отец. Поэтому в возрасте шестнадцати лет, с благословения матери, Василий покинул Понт и отправился в Кесарию Каппадокийскую. В знаменитом училище этого города Василий познакомился с одним из своих соучеников, таким же, как он сам, юношей из христианской семьи, по имени Григорий (впоследствии названный Богословом). Вот что вспоминал святитель Григорий об этих первых годах соученичества с Василием в Кесарии: «Василий в короткое время приобрел славу и у простолюдинов, и у первостепенных граждан, обнаруживая в себе ученость выше возраста и твердость нрава выше учености. Он был ритором между риторами еще до ка-

федры софиста, философом между философами еще до слушания философских положений, а что всего важнее, иерем для христиан еще до священства. Столько все и во всем ему уступали!... А главным его занятием было любомудрие, то есть отречение от мира, пребывание с Богом, по мере того как через дольнее восходил он к горнему и посредством непостоянного и скоропреходящего приобретал постоянное и вечно пребывающее».

Из Кесарии Каппадокийской Василий отправился в столицу империи – Константинополь, где либо там, либо проездом в Антиохии обучался у прославленного ритора Ливания. Ливаний был язычником, однако благочестивый Василий, в отличие от некоторых «чрезмерно православных» (по выражению святителя Григория Богослова) христиан, не считал зазорным учиться у него светским наукам, видя в учителе не духовного наставника, а лишь замечательного знатока своего дела. Христианское же благочестие и проницательный ум Василия, ничего не принимавшего слепо и без рассуждения, помогали ему отделить то полезное, что было в светских науках, от языческих заблуждений самих преподавателей. Впоследствии светские знания и навыки очень пригодились Василию в деле проповеди веры Христовой и в полемике с язычниками и еретиками. О пользе же светских наук и о том, как извлекать из них пользу без вреда для души, Василий, уже будучи епископом, написал известное «Слово к юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями».

Вот из него замечательный отрывок:

«Собственное превосходство дерева – изобиловать зрелыми плодами; но оно носит на себе и некоторое украшение – листья, колеблющиеся на ветвях; так и в душе истина есть преимущественный плод, но не лишено приятности и то, если облечена душа внешней мудростью, как листьями, которые служат покровом плоду и производят не неприличный вид. Почему говорится, что и тот славный Моисей, имя которого за мудрость у всех людей было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего [то есть Бога]. А подобно ему, и в позднейшие времена о премудром Данииле повествуется, что он в Вавилоне изучил халдейскую мудрость и тогда уже коснулся Божественных уроков...

<...> Как для других наслаждение цветами ограничивается благовонием и пестротою красок, а пчелы собирают с них и мед, так и здесь, кто гоняется не за одною сладостью и приятностью сочинений, тот может из них запастись некоторою пользою для души. Поэтому, во всем уподобляясь пчелам, должны вы изучать сии сочинения. Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся и с тех, на какие сядут, не все стараются унести, но, взяв, что пригодно на их дело, прочее оставляют нетронутым. И мы, если целомудренны, собрав из этих произведений, что нам свойственно и сродно с истиной, остальное будем проходить мимо. И как, срывая цветы с розового куста, избегаем шипов, так и в этих сочинениях, воспользо-

вавшихся полезным, будем остерегаться вредного».

Не правда ли, отцы, братья и сестры, эти слова великого святителя – прекрасный урок как для тех, кто считает всю светскую ученость одинаково полезной для христианина, так и для тех, кто вовсе отвергает светское образование как якобы «душевредное»? Конечно, нельзя без рассуждения принимать на веру все, о чем пишут в светских книгах, – в особенности это касается таких дисциплин, как история, философия и литература, где субъективное и слишком свободное отношение к предмету неизбежно вносит искажение в описание реальности. Необходимо поверять слова и утверждения светских авторов твердою истиной Христовой и отсекать явно нехристианские домыслы. Но в то же время никак нельзя пренебрегать теми полезными знаниями и навыками, которые накопили для нас учёные и мыслители за тысячулетия существования человечества, – пусть даже не все эти люди и как подобает право веровали в Истинного Бога! Христианин Коперник не находил ничего зазорного в том, чтобы воспользоваться исследованиями греческого язычника Фалеса из Милета, – и в результате пришел к верному описанию Солнечной системы; а алгебраические или химические формулы разве становятся хуже от того, что немалый вклад в развитие этих наук внесли мусульмане-арабы и европейские мистики, а по совместительству даже алхимики? Само же по себе познание созданного Богом мира и его законов христианину необходимо – ведь мы живем в этом ми-

ре и должны знать, как взаимодействовать с ним, как вести себя в нем, чтобы развивать и украшать, а не уничтожать его своими действиями. А знание таких вещей, как история, литература и философия, и подавно может немало пригодиться нам в деле проповеди веры Христовой – да что там, даже в деле развития нашей собственной души. Ведь, например, хорошо знающий историю человек не будет слишком смущаться происходящими вокруг него – в том числе в Церкви – различными нестроениями: он знает, что все это уже происходило и в прошлом, причем неоднократно, и может брать пример в преодолении этих нестроений с людей прошлых веков, учась как на их успехах, так и на их ошибках. Духовности же, устроению души учащегося светские науки бессильны как-либо повредить, если в этой душе горит огонь подлинной любви христианской, – как видим мы это на примере святителя Василия Великого.

Ритор Ливаний очень гордился своим способным учеником, который, еще не окончив курса, уже успел прославиться в Константинополе как оратор. Слава о Василии распространилась и за пределы столицы, достигнув Афин – тогдашней цитадели светских наук, – так что любой афинский преподаватель был бы рад иметь Василия в числе своих учеников. Поэтому, когда около 350 года Василий действительно отправился продолжать образование в Афинскую академию, его уже ждали там с интересом и нетерпением.

В Афинах Василий усердно принял за постижение на-

ук. Однако первоначальный энтузиазм вскоре сменился периодом разочарования: Василий, мечтавший об Афинах как о твердыне чистой науки, теперь увидел в среде преподавателей и особенно учеников всевозможные склоки и интриги. Его собственные земляки из Понта и Армении, постаравшись сблизиться с ним, на деле завидовали способностям и ранней известности своего молодого соученика и за его спиной всячески старались опорочить его в глазах афинского ученого сообщества. Василий загрустил, начиная уже сожалеть о своем приезде в Афины, которые теперь представлялись ему «обманчивым блаженством».

Но Господь не оставил Василия. Оказалось, что в Афинской академии учился и прежний знакомый и соученик Василия по Каппадокии – Григорий. Юноши возобновили свое знакомство и, сблизившись еще больше, чем прежде, крепко подружились. Григорий постарался утешить Василия, употребляя, где нужно, логические рассуждения, а где и просто дружеские слова ободрения и поддержки. Эти попытки Григория увенчались успехом, уныние Василия совершенно рассеялось – ведь теперь он был не одинок, рядом с ним был верный, искренний друг и единомышленник. «Когда же по прошествии некоторого времени, – вспоминал впоследствии святитель Григорий, – открыли мы друг другу желания свои и предмет их – любомудрие, тогда уже стали мы друг для друга всем – и товарищами, и сотрапезниками, и родными; одну имея цель, мы непрестанно возрастили в пла-

менной любви друг к другу... Нами водили равные надежды и в деле самом завидном – в учении. Но далека была от нас зависть, усерднейшими же делало соревнование. Оба мы помогались не того, чтобы одному из нас самому стать первым, но каким бы образом уступить первенство друг другу; потому что каждый из нас славу друга почитал своей собственной». Василий и Григорий не только вместе постигали науки, но и вместе шли по пути духовного совершенства. Друзьям, по воспоминаниям святителя Григория, «известны были две дороги: одна – это первая и превосходнейшая – вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая – это вторая и неравного достоинства с первой – вела к наставникам наук внешних». Дружба эта продолжалась впоследствии всю их жизнь, с годами лишь укрепляясь.

По окончании обучения друзьям пришлось расстаться. Григорий уступил многочисленным и усердным просьбам преподавателей и учеников академии и остался в Афинах, где следующие несколько лет преподавал риторику. Василий же, хотя его уговаривали остаться не менее усердно, чем Григория, вернулся на родину, в Кесарию (по мнению некоторых историков – в Неокесарию), где некоторое время занимался адвокатурой и преподаванием риторики.

Мать Василия, святая Эмилия, в это время перебралась на постоянное жительство в имение Анниса на берегу реки Ирис, где, устроив нечто вроде монастыря, посвятила свои дни аскетическим подвигам вместе со своей старшей доче-

рью, преподобной Макриной (названной так в честь бабушки-исповедницы). Обе женщины – и Эмилия, и Макрина – были вдовами, но если Эмилия овдовела после двадцати лет супружеской жизни, воспитав вместе с мужем множество детей, то Макрина с ранней юности хранила верность покойному жениху, с которым была обручена, но не успела сочетаться полным браком из-за безвременной кончины своего нареченного. Макрина была известна своей святой жизнью, смирением и силой духа. Поэтому, когда Василий прибыл в Понт, чтобы навестить родных, беседа с сестрой так подействовала на его душу, что он также решил принять монашество и полностью посвятить свою жизнь служению Господу. Тогда же, будучи уже около двадцати семи лет от роду, Василий, прежде чем принять монашество, принял Таинство Святого Крещения: в те времена даже убежденные христиане нередко откладывали свое Крещение и Крещение своих детей до зрелого возраста, дабы принятие этого великого Таинства было наиболее осознанным.

После Крещения Василий оставил профессиональную деятельность – адвокатуру и преподавание – и отправился сначала в Сирию и Палестину, а затем в Египет, чтобы познакомиться там с жизнью христианских подвижников и отшельников. Во время этого путешествия Василий действительно встретился со многими великими подвижниками благочестия и очень многому у них научился: путешествие окончательно укрепило его решение принять монашество. С этих

пор в его душе начало зреть еще одно стремление: бороться за правую веру и защищать единство Церкви.

Вернувшись в Понт, Василий поселился на берегах реки Ирис, недалеко от поместья-обители матери и сестры, в суровых и труднодоступных местах, где основал небольшую монашескую общину и вместе с несколькими другими монахами строго подвизался в течение нескольких лет. Вот как описывал сам Василий места своего подвижничества: «Это – высокая гора, покрытая частым лесом, на северной стороне орошаемая холодными и прозрачными водами. По подгорью ее стелется покатая долина, непрестанно утучняемая влагами из горы. Кругом долины сам собой выросший лес, из различных всякого рода деревьев, служит ей как бы оградой... Немного недостает, чтобы долине, по причине ограждающих ее отовсюду оплотов, походить на остров. С двух сторон прорыты глубокие овраги, а сбоку – река, текущая со стремнины, служит также непрерывной и неприступной стеной и луновидными изгибами примыкает к оврагам, поэтому доступы в подгорья заграждены. Один только есть в него вход, которым владеем мы. За местом нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемлющий над горою, и с него вся равнина развертывается перед взором. <...> Эта река, будучи быстрее всех мне известных, свирепеет несколько при соседнем утесе и, отражаясь от онего, кружится в глубоком водовороте, чем доставляет мне и всякому зрителю весьма приятный вид, а туземным жителям при-

носит самую удовлетворительную пользу и в пучинах своих питает множество рыб. <...> Из всего, что могу сказать о моем убежище, наиболее важно то, что, по удобству положения будучи способно произращать всякие плоды, для меня возвращает сладостнейший из плодов – безмолвие».

Не забывал Василий и о своем друге Григории, непрестанно обмениваясь с ним письмами и приглашая его также прибыть в Понт и подвизаться вместе. В конце концов эти письма возымели действие: Григорий прибыл на реку Ирис и некоторое время подвизался вместе с Василием. Иноки усердно трудились, возили на себе тяжести, сажали деревья и ухаживали за ними, так что мозоли не сходили с их аристократических рук. Пища их была крайне скучна, из одежды же у Василия, как и у других монахов обители, были только нижняя сорочка и монашеская мантия. По ночам, когда никто не видел его, Василий также надевал на голое тело власяницу – грубую и колючую одежду из шерсти – для смирения плоти. Об этом знал только его друг Григорий. Не меньшее, а, пожалуй, и большее, чем физическим трудам, время уделяли иноки молитве и изучению Священного Писания и творений церковных авторов. Кроме того, Василий и сам составлял душеполезные сочинения и проповеди, стремясь принести Свет истинной веры Христовой жителям своего родного Понта. Благодаря ему многие неверующие понтийцы обратились ко Христу, а те, кто уже был христианином, стали вести более добродетельную жизнь.

Вот, дорогие отцы, братья и сестры, прекрасный пример подлинно монашеской жизни! Призвание и цель существования настоящего монаха (да и всякого христианина) – молитва, общение с Богом, очищение своего сердца, служение Господу и ближним. Физический же труд и аскетические подвиги не более чем средства, которые должны способствовать достижению этих главных целей. Если же средства становятся препятствием на пути к цели, превращаются в сама цель и подменяют собой истинное призвание, они не только не нужны, но даже вредны и могут привести вместо пользы к надрыву или к гордости и, следовательно, к духовной гибели...

Посмотрите на святителя Василия и его верного друга Григория: разве можно обвинить их в лености, в недостатке усердия и трудов? Нет! Но разве эти труды, посты, ношение власяницы были главным для них? Опять-таки нет! Главным для них было служение Богу и возрастание в добродетели. Вот как пишет об этом сам святитель Василий в своем сочинении «О подвижничестве»: «Подвижническая жизнь имеет одну цель – спасение души, и поэтому все, что может действовать сему намерению, должно соблюдать со страхом как Божественную заповедь, потому что и самые заповеди Божии не что иное имеют в виду, как спасение послушного им. Посему как входящие в баню обнажаются от всякого одеяния, так и приступающим к подвижнической жизни надо, обнажившись от всякой житейской вещественности, ве-

сти жизнь любому друю. Первое, о чём более всего должно заботиться христианину, – это обнажиться от разнородных и различных порочных наклонностей, которыми оскверняется душа».

И именно благодаря этим верно расставленным приоритетам результатом подвижнической жизни будущих святителей стали множество человеческих душ, просвещенных Святым Христовым, и мудрые духовные произведения, в которых и по сей день, спустя столько веков, христиане черпают назидание в добродетели.

В 362 году на епископскую кафедру города Кесарии Каппадокийской был поставлен епископ Евсевий. Сам будучи уже в преклонных летах и потому желая найти себе умного, образованного и благочестивого молодого помощника в епископских трудах, Евсевий вызвал в Кесарию Василия, о котором был много наслышан, и рукоположил его в сан пресвитера. Сам Василий не считал себя достойным священного сана и хотел отказаться от него, но епископ настаивал, и Василий повиновался. Он остался в Кесарии и как пастырь вскоре снискал уважение и любовь всей кесарийской паствы.

Однако именно эти любовь и уважение стали причиной его размолвки с епископом Евсевием. Епископ, увидев, что авторитет пресвитера Василия затмевает его собственный авторитет, и поддавшись человеческой слабости, открыто высказал это своему помощнику. Василий, не желая нарушать мир в епархии, оставил Кесарию и возвратился в Понт,

на реку Ирис, в свой монастырь.

Интересно, многие ли поступили бы так в наше время? Многие ли люди, оказавшись несправедливо обиженными, решили бы пожертвовать собственными чувствами ради общего блага? Увы, на этот вопрос приходится честно ответить: нет... Мы так часто ставим свои личные обиды превыше всего, забывая полностью о том, что окружающий мир в какой-то мере зависит от нас – пусть не полностью, но зависит. Мы тоже часть этого мира – и, значит, в какой-то мере создаем атмосферу в нем, даем определенное направление его жизни. Да, в обычной ситуации справедливость можно и нужно отстаивать, при необходимости даже прибегая к судебному вмешательству – но только не тогда, когда восстановление справедливости в нашу пользу может принести вред всему окружающему нас обществу и вообще другим, ни в чем не повинным людям.

Святитель Василий Великий подает нам прекрасный пример рассудительного христианского отношения к подобным ситуациям. Как мы знаем, в обычное время он не стеснялся отстаивать свою точку зрения и свое добре имя, не боялся вступать в жаркие дискуссии с противниками – но на этот раз, видя, что его попытки защитить себя принесут Церкви, быть может, непоправимый вред, с подлинным смирением – не имеющим ничего общего с самоуничижением и отсутствием собственного достоинства – отошел в сторону, дабы сохранить мир церковный. Это был настоящий подвиг хри-

стианской любви.

О размолвке епископа Евсевия и Василия вскоре узнал друг Григорий, тоже к этому времени покинувший пустыню и помогавший своему отцу, епископу Назианзскому Григорию Старшему, в управлении его епархией. Новость глубоко опечалила его. Григорий написал несколько писем Евсевию и Василию, призывая их помириться и возобновить совместные труды на благо Церкви. Несомненно, эти письма действительно сыграли положительную роль. Но окончательное примирение епископа и пресвитера произошло после того, как в 365 году на императорский трон в Константинополе взошел император Валент (328–378), сторонник арианской ереси. Еретики по всей восточной части империи потирали руки, думая, что пришло время их победы над православными. Действительно, император открыто покровительствовал единоверцам. Вскоре после своего воцарения он отправился в Кесарию в сопровождении арианских епископов, дабы склонить кесарийских православных к принятию ереси. Епископ Кесарийский Евсевий, понимая, что в одиночку ему вряд ли удастся справиться с надвигавшейся опасностью, решил вновь призвать к себе в помощники Василия. И Василий, для которого благо Церкви всегда стояло неизмеримо выше его собственного блага и личных обид, забыл о прошлых размолвках и несправедливых упреках и незамедлительно вернулся в Кесарию. Арианство встретило в его лице достойного и непримиримого противника. Васи-

лий неустанно проповедовал Православие (проповеди его не только произносились устно в храме, но и записывались для последующего распространения по епархии). Он же составил толкования на различные места Священного Писания (Шестоднев, Псалмы), толкуя их в православном духе, написал три книги против арианского учения («Против Евномия»). В это же время им был составлен чин Божественной Литургии, доныне использующийся в Православной Церкви под названием Литургии Василия Великого. Василий взял на себя и все административные дела епархии, став, по сути дела, ее негласным главой наряду с епископом Евсевием. «Много и других доказательств заботливости и попечительности Василия о Церкви, – пишет об этом времени святитель Григорий Богослов, – таковы смелость его перед начальниками, как вообще перед всеми, так и перед самыми сильными в городе; его решения распределяются, не без доверия принимаемые, а по произнесении его устами через употребление обратившиеся в закон; его заступничества за нуждающихся, большей частью в делах духовных, а иногда и в плотских (потому что и это, покоряя людей добрым расположением, исцеляет нередко души); пропитание нищих, странноприимство, попечение о девах [монахинях], писаные и неписаные уставы для монашествующих, чиноположения молитв, благоукрашения алтаря и иное, чем только Божий воистину человек и действующий по Богу может быть полезен народу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.